

18+

САША НАЙТ

В постели

ПАРНЯ СЕСТРЫ

Саша Найт

В постели парня сестры

«Автор»

2023

Найт С.

В постели парня сестры / С. Найт — «Автор», 2023

Переехав на время к старшей сестре, я и подумать не могла, что её парнем окажется себялюбивый сноб, наглейшей души человек — Тимур Дёмин. Тот, кто последние два месяца вызывал только одну ненависть, которая затмевала все остальные чувства. Я играла с ним как с огнём, не боясь обжечься.

А заигравшись мы оба совершили преступление, заслуживающее самого строгого наказания. И нам до безумия нравилось это: сводить друг друга с ума, каждый раз оказываясь на грани. И останавливаться никто не желал, потому что это игра для нас двоих. Дикая, греховная, неправильная, понятная только мне и ему. Осталось только привыкнуть к тайне, которую мы теперь обязаны скрывать от моей сестры.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	12
Глава 4.	16
Глава 5.	20
Глава 6.	23
Глава 7.	27
Глава 8.	31
Глава 9.	35
Глава 10.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Саша Найт

В постели парня сестры

Глава 1.

Кира.

Лето, июнь, суббота. На дворе конец этого жаркого месяца. Первого месяца лета. Наш город уже заполнен туристами со всех уголков страны.

Обычно, в летние месяцы я стараюсь спрятаться как можно дальше от города. Везжаю погостить к бабушке и дедушке в Самару, откуда я собственно и родом. А если уехать не получается, стараюсь как можно чаще выбираться на природу, ходить в походы с палатками на Красную Поляну с подружкой Зойкой или бывать на самых диких и малоизвестных пляжах.

Уверена, многие думают, что жить в Сочи у моря – прекрасно. Но только не я. С радостью готова променять черноморские пляжи с пальмами на базу отдыха «Иволгу» на Волге, в окружении зелёных лиственных рощ. Но так я думаю только с мая по сентябрь.

Когда же город пустеет, а отдыхающие разъезжаются по своим домам, Сочи мне бесспорно начинает нравиться. Особенно зимнее, холодное море и невероятно красивые закаты на городских пляжах.

Мне очень нравится и наша квартирка, в старом доме на Дмитриевой улице, рядом с верхней канатной дорогой парка «Дендрарий». Спокойная и узкая улочка, настолько, что на крупной машине сложно проехать. Зато зелёная, тихая. Настоящее сердце старого Сочи. И местоположение великолепное – несколько минут и ты уже в парке. А гулять там одно удовольствие, особенно в начале весны.

Но, сегодня мне приходится буквально выйти из собственной зоны комфорта, и отправиться в новую квартиру старшей сестры, отстояв почти сорок минут в пробке.

И дело не только в том, что я ещё ни разу не бывала возле её нового дома, а учитывая мой врождённый топографический кретинизм, мне даже навигатор помочь неспособен. Я бы давно в лесу потерялась без вести, если бы не моя лучшая подруга. И даже не в том, что с сестрой у меня не самые хорошие отношения.

Самая главная проблема заключается в наших с Лерой родителях, которые в прямом смысле слова «сбагрили» меня ей, чтобы сестра «вправила мне мозги». Просто потому, что по мнению мамы только Лерочка, свет и гордость нашей семьи способна оказать влияние на разочарование нашей семьи, то есть меня. А ещё потому, что мать и отец укатили в отпуск, но не сочли меня достаточно ответственной, чтобы оставить одну дома.

Можно сказать, что меня, уже почти как год совершеннолетнюю выгнали из дома. И конечно же с очередным скандалом. После того как, мама с папой узнали, что и в этом году я не подавала документы в ВУЗ.

«У тебя приличный балл по ЕГЭ! Ты могла поступить на бюджет! Но вместо этого второй год собираешься заниматься глупостями. Позор!» – кричала в ярости мама.

«Уехала бы в Москву, пошла бы по стопам Леры. Что за глупые мечты, без высшего образования? На что ты собираешься жить?!» – гневно выкрикивал папа.

С моей сестрой они так никогда не поступали. Они вкладывали в неё и душу, и деньги, нанимая лучших преподавателей и репетиторов. Валерия для родителей была лучше всех на свете, и они вечно ставили мне её в пример. С самого детства.

Мало кто знает, каково быть чужой там, где родилась. А я всегда чувствовала себя лишней.

Когда мне исполнилось двенадцать, мы всей семьёй переехали в Москву из Самары, только потому, что Лере предложили там работу, после института. Родители хотели быть рядом со своей любимой дочерью, а до моих желаний остаться с бабушкой и дедом, продолжить ходить в привычную школу – никому дела не было.

Когда мне стукнуло пятнадцать, я привыкла к Москве и нашла наконец-то друзей, пережить пришлось снова. Ведь сестре предложили новую работу в Сочи.

Чего бы Лера ни хотела, это всегда исполнялось. *Её мечты были важны*. Мои же, для родителей считались глупостью. Любые. Никто не интересовался моими желаниями и стремлениями. Раньше такое отношение задевало, но сейчас я привыкла.

Меня постоянно критиковали за любое проявление инициативы. Говорили, что я недостаточно хороша, чтобы стать кем-то большим. Я не годилась для высокой должности, не годилась для роли жены, не годилась чтобы стать хорошей дочерью.

На старшую сестру никогда не поднимали руку, на меня же могли. Я завидовала, глупо отрицать. Иногда приходили мысли, что я приёмная, раз меня настолько не любят. С детства я была лишена какого-то материнского тепла и отцовской заботы, которую с лихвой дарили старшей дочери. И всё же я любила сестру. По-своему. Она единственная, кто иногда заступалась за меня перед родителями, когда те применяли свои «способы воспитания». Хотя чаще она им поддакивала. Вот только заступайся не заступайся, мать и отец считали, что им виднее, не забывая при этом упомянуть, какой я, по их мнению, «сложный ребёнок».

В чём была эта сложность я понятия не имела. Наверное, в том, что я не Лера.

Когда я была подростком, то хорошо училась, хоть мне и не были интересны предметы. Почти ни разу не сбегала из дома, только после некоторых скандалов, и то, к подружке, родители которой были дружны с моими. Я даже сигареты и алкоголь впервые попробовала только на своём школьном выпускном. И всё равно считалась проблемной.

Потому что: «Наша старшая дочь никогда не сбегала на ночёвки к подружкам. Неизвестно чем ты там занимаешься», «У Леры красный аттестат, а у тебя обычный», «Твоя сестра никогда не перечила и уважала родителей, а ты наглая хамка».

И мамино коронное: «Лерочка училась, вместо того чтобы бегать на свидания. Теперь у неё прекрасное будущее, а что ждёт тебя мне страшно представить!»

А ведь у меня даже парня толком никогда не было, потому что в школе я была непопулярной, подвергалась издёвкам за свою тогдашнюю полноту и проблемную в те годы кожу, из-за этого заедала стресс ещё больше. Я не бегала на свидания, потому что меня никто не приглашал. Год ушёл на то, чтобы после школы сбросить лишних двадцать килограммов и привести тело к идеальной форме. Но, парня всё ещё не было. Потому что та затюканная Киратолстушка во мне всё ещё боялась внимания, которое теперь часто стали проявлять парни ко мне. И даже за лишний вес я умудрилась получать дома порцию осуждений, пока не похудела, проводя в фитнесе часы ежедневно.

– Уф! – злобно выдаю я, и со злости пинаю камень.

Не знаю, на что я гневаюсь больше: на родителей, на себя, на родительского кота Ваську, которого в тяжёлой переноске мне приходится тащить с собой, на палящее солнце, или на то, что до сих пор не могу найти этот треклятый дом своей сестры.

Пока в жарком Сочи жизнь бьёт ключом, сигналият машины, а люди как муравьи все спешат куда-то, я чувствую себя одинокой и несчастной, выйдя на автобусной остановке и топчась на красивой улице между высотными домами с чемоданом.

«Жилой комплекс Актёр Гэлакси, Курортный проспект», – значится в навигаторе. Дом, окружённый забором, я вижу, а вот где ворота понятия не имею.

И пока я с переменным успехом пытаюсь их найти, умудряюсь зацепиться ногой за очередную камушек и упасть, разбивая коленку и обдирая кожу на ладонях. Полосатый толстый кот злобно шипит на меня из переноски, которую я тоже уронила. Просто блеск, чёрт его дер!

Громко бранюсь не хуже заправского Сочинского таксиста, и о чудо! Замечаю наконец-таки искомые ворота.

И вот, я растрёпанная, с грязными ладонями и истекающей кровью коленкой врываюсь в подъезд, здороваясь с консьержем, и сообщая тому, к кому я собственно направляюсь и в какую квартиру. Мужчина осматривает меня недовольно, но пропускает.

Я прохожу к лифту и поднимаюсь на шестнадцатый этаж. Выдыхаю, пытаюсь успокоиться, и приглаживаю волосы руками. Звоню в дверь.

– О Бог ты мой! Кира, что с тобой? – причитает старшая сестра, встречая меня на пороге и приходя в ужас от моего внешнего вида.

– Упала, – обиженно фыркаю я.

– Заходи и немедленно в душ, сестрёнка. А потом я обработаю твою рану, – включает режим мамочки Лера. – Прямо как в детстве, вечно с разбитыми коленками.

– Угу. И как в детстве, ты единственная, кому до этого есть хоть какое-то дело. Вот, – протягиваю переноску с Васькой ей. – Забирай этого Гопника, глаза б мои его не видели.

– Прекрати обижать нашего малыша, – сестра достаёт кота из переноски.

На малыша он не сильно похож: наглый, злобный, прожорливый котёнок весом в двенадцать килограммов. Мамин любимчик считал своим ежедневным долгом изгаживать мою одежду и обувь, а ночью, когда я спала, забыв закрыть дверь, выскакивать мне на грудь и затачивать об меня свои когти.

– Ну какой же он Гопник? Он Василёк. Да, сладенький? – миндальничает Лера, глядя лгнущего к ней кота.

– Ну-ну. Не на тебя он шипит и пытается оцарапать всю свою сознательную жизнь. Этот Наглормд ненавидит меня так же, как и я его, – гримасничаю я. – Хоть что-то в этом мире всегда остаётся неизменным.

Я прохожу в квартиру. Присвистываю, настолько тут красиво и современно. Прихожая в светлых тонах, из неё отлично просматривается часть кухни с гостиной, и панорамная дверь от пола в потолок за которой находится открытый балкон с двумя креслами и виднеется море. Между кухней и прихожей находятся двери в ванную комнату и уборную. По другую сторону коридора располагаются две двери в комнаты.

– И, сколько зарабатывает нынче руководитель проектной группы в строительной компании, что может позволить себе такую элитную квартирку? – подкальываю сестру я. – Думала, ты сняла студию.

– Кирюш, давай ты сходишь в душ, и я тебе всё-всё расскажу, – просит Лера.

– Я не буду доставать тебя вопросами, если ты перестанешь называть меня этим тупым детским прозвищем.

– Ладно-ладно. Я принесу тебе полотенце. И напою Василя Васильевича.

Сестра уже разворачивается в направлении кота и босыми ногами мягко проходится до одной из дверей, но я окликаю её:

– Лер, спасибо.

– Пустяки, не волнуйся.

Глава 2.

Кира.

Лера, как всегда в своём репертуаре. Вечно куда-то торопится, спешит успеть за отведённое на задуманное время. Видимо, рабочая привычка. Я уже и отвыкла от поведения сестры. Когда я выхожу из душа, она сообщает, что у нас ровно пятнадцать минут на разбор моих вещей. Проводит в дальнюю комнату и говорит, что это моё временное пристанище.

Комнатка небольшая, и явно ей редко пользуются. Раскладной диван, комод и стол с ноутбуком – видимо, сестрица использует её как домашний кабинет.

– Слушай, может, я переночую одну ночь, а завтра, когда родители улетят в свой отпуск, я вернусь домой вместе с Васькой? Никто же не узнает. А я не хочу тебя стеснять.

– Ольховская Кира Фёдоровна, даже не думай. Мама ясно дала понять, что ты должна жить под моим контролем.

– Лер, мне почти девятнадцать. Что за глупости? Я вполне способна о себе позаботиться. И знаешь, я почти накопила сумму, чтобы покрыть полугодовую аренду и снять отдельное жильё где-то на горе.

– Ты работаешь? – удивлённо осведомляется сестра, присаживаясь на диван. – Родители знают?

– Я рисую, Лера. И вполне неплохо рисую на заказ.

– Опять твои глупые рисунки? Кир, это же не работа и не профессия. По крайней мере, пока у тебя нет художественного образования.

– Ой, говоришь, как мама! – моментально злюсь я, гримасничая. – Я не буду с тобой это обсуждать, пока ты не воспримешь меня всерьёз.

Я правда зла. Сколько раз уже слышала, что занимаюсь «ерундой». Что надо поступить и отучиться как «все нормальные люди», получить профессию. Вот только всё равно годами упорно шла к цели.

Я начала рисовать ещё в раннем детстве. Брала блокнот и рисовала карандашами всё, что видела. Деревья, траву, первые весенние цветы, восходы, закаты, животных. Привил мне любовь к рисованию дядя Петя, младший брат папы, ещё когда мы жили в Самаре. Мать и отец и его называли «бездельником» и «бездарем», как и меня, но для меня дядя был героем. Вместе с ним мы изучали звёздное небо летом, он приносил мне книги по искусству рисунка. Он учил меня усидчивости и вдумчивости. Научил смешивать краски, получая уникальные цвета. И к пятому классу я уже отлично рисовала кистью, а мои рисунки становились всё лучше.

Самым любимым рисунком на холсте стал портрет дяди. Он сидел у реки с холстом, держа в руках кисточку. Его лицо освещала добрая улыбка, а вокруг стояло лето. Над этим рисунком своего друга и наставника я трудилась много месяцев, чтобы запечатлеть его как можно правдивее. Таким, каким я его запомнила. Потому что он погиб. Мне было одиннадцать, а ему всего двадцать восемь.

Когда мы переехали в Москву, я начала откладывать карманные деньги и купила себе самый простенький и недорогой графический планшет. Тогда я рисовала всякие арты, училась по бесплатным урокам. А пару лет назад начали поступать первые платные заказы из социальных сетей. Так я скопила на более дорогое обучение. Потом ещё и ещё. И вот, недавно я купила последнюю модель дорогого планшета, и уже гордо могла назвать себя цифровым художником.

Больше всего теперь мне нравится рисовать портреты и иллюстрации в стиле атмосферного реализма. Но сейчас у меня есть два крупных заказа в других стилях. Один для магазина одежды: я должна нарисовать им принты для будущих футболок с разными кружечками и пирожными. Второй: проиллюстрировать детскую сказку для одного маленького книжного издательства. И я как раз собираюсь поработать над этим заказом, пока нахожусь в спокойной

атмосфере в доме сестры. Велик шанс, что если мои рисунки им понравятся, то издательство даст мне больше заказов.

– Кир, но тебе уже не пятнадцать, чтобы целыми днями рисовать. Как ты собираешься строить свою жизнь без нормальной работы?

– Я ещё могу понять почему родители так говорят. Видите ли, для них не престижно рассказывать знакомым, что дочь ведущего инженера-энергетика и бывшей профессора исторической кафедры всего лишь какой-то независимый художник. Но ты! – раздосадовано восклицаю я, сдувая с лица мешающую прядку волос. – Я думала, ты меня поддержишь, Лера. Поверишь в меня.

– Прости, но я согласна с мамой и папой. Если так хочется рисовать, поступи на архитектора, например. Сможешь работать со мной в будущем. Снимешь достойное жильё.

– Я учту твоё ценное мнение, Лер. Но, о себе позабочусь сама.

Я хочу договорить, сказать о том, что рисование тоже достойная работа. Что мир изменился и многие теперь работают на себя, занимаясь любимым делом. Что сестра почему-то не осуждает, называя бездельницей, женщину которая занимается на дому лепкой и росписью винтажной посуды, которую так любит заказывать у неё Валерия. Но, сестра отвлекается на звук своего телефона. Хмурится читая смс-ку. И поняв голову, оглядывает меня с головы до ног.

– Ты не могла бы одеться во что-то... Хм... Более приличное?

– И что не так? Я всегда хожу дома в этом.

Я гляжу в зеркало на обратной стороне двери. Чуть растянутая белая футболка на голую грудь, трусики-шортики и тапочки. Я вообще не люблю носить бюстгалтеры, что дома, что на улице. Как только надеваю их, чувствую, как будто меня что-то сковывает. Через отражение смотрю на старшую сестру.

Мы всегда были такие разные: она высокая, выше меня на голову, с шоколадными и идеально прямыми волосами по плечи, большими голубыми глазами как у мамы, тонкими, но красивыми губами, стройной фигуркой с аккуратной грудью и осиной талией. И всегда безукоризненно одета. Даже дома, как и сейчас. На ней велюровый, аккуратный комбинезон с длинными штанами и верхом без рукавов, с красивым вырезом на спине.

И тут же оглядываю себя: маленькая ростом, со спутанными после душа длинными вьющимися тёмно-шоколадными волосами, кареглазая в папу, в этой старенькой любимой футболке, которая еле прикрывает попку, с разбитыми коленями в зелёнке. И правда, похожа на подростка, хоть уже и переросла этот период.

– Понимаешь... – смущаясь как будто школьница, опускает взгляд сестра. – Я живу здесь не одна. Поэтому и квартира больше, чем ты думала. Мы снимаем её вместе, с Тимуром.

– У тебя есть парень?! Расскажи мне всё!

– Ладно, только прошу переоденься, а то он скоро вернётся.

Я киваю, доставая из комода приличные тканевые шортики, снимая футболку и надевая топ, а потом недолго подумав, выуживаю из чемодана худи с молнией.

– Хорошо. Так гораздо приличнее, – осматривая меня, изрекает Лера. – Пойдём на кухню?

И когда мы оказываемся на кухне, сестра сначала делает нам по кружке своего любимого фруктового чая, а потом садится на стул, как-то неуверенно смотря на меня.

– Да не томи уже, – стону я. – Даже если он страшненький, я тебя поддержу.

– Я бы не назвала его страшненьким, скорее наоборот.

– Ой, ну-ну, я помню твоих бывших ухажёров, сестрица. Без слёз не взглянешь. Страшны как смертный грех.

И действительно, четверо её бывших мужчин, с которыми Лера знакомила родителей и меня выглядели мягко говоря не очень. Такие скучные, в строгих костюмах, с унылыми лицами

уставших от жизни работников среднего звена. И занудные до одури. Но, у нас всегда был слишком разный вкус, почти во всех вещах, и мужчин это касалось в том числе.

– Тим, он другой, – мягко улыбается Валерия. Имя её мужчины вызывает неприятные ассоциации. – Он заместитель главного архитектора, мы работаем вместе.

– Опять скучный трудоголик? Никакого разнообразия, – высказываюсь я, но под осуждающим взглядом сестры сконфуживаюсь. – Прости, продолжай.

– У нас всё серьёзно, Кир. По крайней мере, я надеюсь на это.

– Тогда почему прячешь его от родителей?

– Они не одобряют, – с грустью отвечает сестра.

– С чего ты взяла? Ты для них свет в окне, настоящий ангел во плоти, дочь которой они гордятся. Любой твой выбор они примут с радостью.

– Просто... Мне почти тридцать один, а ему всего двадцать семь. Ты знаешь, что о такой разнице скажет мама.

– Какая разница, что скажет мама? Всего четыре года, разве это большая разница в возрасте? Тем более, если вы любите друг друга.

– Я не уверена, что он любит меня. Тимур никогда не говорил мне этих слов. Мы просто встречались, а потом так вышло, что обоим нужно было сменить жильё, и мы съехались. У нас много общего в работе, но в жизни совсем разные интересы. Рядом с ним я чувствую себя счастливой. Но любовь? Не знаю, есть ли она между нами.

– Так спроси его? И если он просто использует тебя ради своих целей, – я злобно щурюсь. – То я лично лишу его детородного органа, а потом скину его с этого балкона.

– Какой же ты ещё ребёнок, Кирюш.

Я хочу разразиться очередной тирадой о треклятом детском прозвище, что так полюбилось моей сестре, но мы слышим, как кто-то открывает дверь ключом. А потом дверь захлопывается, и Лера замирает в немом ожидании, счастливо улыбаясь.

А потом её мужчина проходит в кухню, и за спиной сестры раздаётся приятный, чуть хриплый голос. Такой, который пробирается под самую кожу, и расходится мурашками по всему телу. Длинные пальцы, с проглядывающими бороздками вен на тыльной стороне руки ложатся на плечи Валерии. Я тут же засматриваюсь на сильные запястья с выступающими связками. Чёрт его дерит, это моя маленькая слабость – красивые мужские руки всегда сводят меня с ума.

Сестра смеётся, одним махом поворачивается к нему, тянется и целует в щёку. А потом разворачивается ко мне, и мечтательная улыбка так и не сходит с её губ, а блеск в голубых глазах чуть ли не отдаёт бликами.

– Значит, ты и есть та самая малышка Кирюня?

– Кирюша, дорогой, – снова улыбается Лера ему как-то по-особенному. – Но, да. Моя сестра – Кира.

Красивая рука мужчины тянется через весь стол, ко мне. И я, наконец, поднимаю взгляд на его лицо, и то что я вижу вводит меня в нервный ступор.

– Очень приятно, Кира. Можешь звать меня Тим.

Я протягиваю в ответ свою руку. Он красив, даже слишком. Самоуверенный взгляд карих глаз прожигает насквозь, на пухлых губах намёк на лёгкую улыбку, тёмно-каштановые волосы, правильные черты лица, прямой нос и очень сексуальная щетина, до безумия идущая парню моей сестры. Чёрная футболка выгодно подчёркивает мускулистый торс.

Красив как дьявол. Один взгляд чего стоит. В глазах Тимура читается любопытство, когда он мягко пожимает мою ладонь, но, когда отпускает мою руку, я замечаю удивление в его взгляде.

И в моей груди вдруг резко защемляет, потому что я давно не видела свою сестру такой счастливой, а ещё потому, что я определённо знаю этого мужчину...

И остаётся только молиться Богу, что он не покажет, что знает меня.

Глава 3.

Кира. Два месяца назад.

Зеленоглазый, спортивный, высокий. Впервые я увидела его в новом фитнес-зале, в который перешла после закрытия старого. Красивый, сильный, стильный, харизматичный. Я не знала, как его зовут, но он стал моей недостижимой мечтой. Только я была его полной противоположностью: вечно недовольной, вспыльчивой, той, кого он не замечал, не будучи обделённым вниманием со стороны других девушек.

По мнению Зои, я даже не влюбилась, а просто заиклилась, потому что мне не хватало секса. Отчасти подруга была права, как бы не стыдно было это признавать.

В тот день, два месяца назад, когда я впервые его увидела во время поездки в зал, ничего не предвещало беды. Я поболтала по телефону с Зойкой, которая рассказывала про очередное свидание со своим парнем Юлианом. Я слушала, вставляла нужные комментарии, пока не вышла из раздевалки и не увидела... Его.

Он стоял возле кардиозоны, в белой облегающей идеальной торс майке, с растрёпанными после бега на дорожке светлыми волосами и делал небольшие глотки из бутылки с водой. Вдруг он нахально улыбнулся спортивной красоте в коротком топе и не менее коротких обтягивающих шортах. Она казалась красавицей: модельного роста, стройная, ухоженная, с идеальным маникюром и причёской, и несмотря на то, что находились мы в фитнесе, с красивым повседневным макияжем. Настоящий ходячий продукт «Фотошопа». Такие и на пляж ходят при полном параде.

Я не была такой яркой. Такой была моя старшая сестра. Разве что Валерия не ходила на пляж накрашившись.

За собой я следила не больше, чем любая среднестатистическая девушка. Моей целью была аккуратность и ухоженность, не больше. Конечно, иногда мне нравилось сесть перед зеркалом и сделать красивый макияж «на выход», но на каждый день я ограничивалась тушью, увлажняющим кремом и гигиеничкой. А в зал так вообще ходила без макияжа, потому что не желала снова бороться с проблемой забитых пор и высыпаниями. И пусть моя кожа не была бледно-благородной, как сейчас было модно, я гордилась тем, что дала природа. Принимала свои недостатки, такие как веснушки из-за загара, за которые мне доставалось от одноклассников раньше, или слишком непослушные волосы, с которыми я ничего не могла поделать во время влажной погоды, или то небольшое количество растяжек на боках после похудения, почти незаметных, светлых, но всё же. И я училась не стесняться их.

После школы парни стали обращать на меня внимание, но они все казались совсем не теми, кто был мне нужен. У меня имелся постоянный поклонник, лучший друг парня Зойки, Святослав Кузнецов. Он при каждой встрече пытался намекнуть на свою симпатию, но я всеми силами игнорировала его поползновения в мою сторону. Не потому, что считала, что слишком хороша для него, или наоборот, недостойна. Слава был симпатичным, но у меня не захватывало от него дух. Сердце в пляс не пускалось. Не было трепета. И «бабочек» не было. Мне нужен был «тот самый», за которого захочется замуж, навсегда и навечно и на край света. И если к зеленоглазому красавцу я не испытывала тех самых чувств и желания выйти за него замуж, то дух от него захватывало определённо.

– Действуй! – уверенно сказала мне тем же вечером Зоя, когда мы прогуливались по набережной у моря.

– Что?

– Действуй, говорю, – улыбнулась Пименова. – Иначе так и помрёшь девственницей, Кир. Познакомься с ним, пофлиртуй. Пригласи на кофе. Или просто переспи с ним, и всё.

– Нет, ты что! Как я подойду к нему? Ты же знаешь, что я не умею знакомиться. Да и он не посмотрит на меня, ему нравятся совсем другие девушки...

При мысли о том, чтобы подойти к незнакомому красивому парню и заговорить первой, у меня внутри всё сжималось и немело от паники. Скоровало тело ледяным оцепенением. Да и что я должна сказать? Какой бы я ни стала привлекательной в последнее время, Киратолстушка во мне всё ещё не умела быть соблазнительной. Привычка стесняться никуда не делась, как я ни пыталась с ней бороться.

– Ты красотка, – хмыкнула лучшая подруга. – А фигурка теперь просто загляденье. Ни один парень не устоит. А ещё ты умная, в отличие от тех силиконовых потаскушек со штукатуркой вместо лица.

Я засмеялась. Пименова никогда не стеснялась в выражениях.

– И не поспоришь, – кивнула я.

– Потренируйся на Славике. Он точно не будет против. Пора бы и мне заняться тобой и открыть в тебе великую соблазнительницу, Ольховская.

– Думаешь она во мне есть?

– Ха! Она есть в каждой девушке, просто надо её разбудить.

Подруга придала мне уверенности, и в тот апрельский вечер я решила, что обязательно познакомлюсь с ним, как только наступит удачный момент.

Месяц назад.

Как обратить на себя внимание парня, который и не подозревал о моём существовании?

За прошедший май я видела его всего три раза, и каждый раз вокруг него ошивались дамочки, с которыми мужчина не упускал возможности пофлиртовать. И вот, я увидела его снова, и наконец-то в одиночестве. И решилась. Чувствовала себя взволнованной, но подруга была права и мне стоило сделать первый шаг.

Я так задумалась о своём, что даже не удивилась, когда врезалась в кого-то.

Первое, что я почувствовала – запах. Терпкий аромат великолепного мужского парфюма.

Второе – прикосновение. Мы с незнакомым мужчиной столкнулись так резко, что даже не успели соблудости хотя бы какую-то дистанцию. А через секунду я поняла, что он спас меня от падения. Схватил за плечи руками, и я осознала, что всё моё внимание тут же сосредоточилось на его сильных ладонях с выступающими венками, касающихся моей обнажённой кожи.

Третье – близость. Я впервые была настолько близко к такому взрослому незнакомому мужчине. Высокому, сильному, властному. Обжигающе красивому. И явно недовольному. Я не могла оторвать взгляд от этого человека, буквально каждым вздохом источающего уверенность и жёсткую, но чувственную сексуальность.

Четвёртое – пренебрежение. В его тёмно-карих глазах плескались холод, равнодушие и скука.

Он отодвинул меня в сторону, как будто я просто неудачное препятствие для мужчины. Я сразу же отшатнулась.

– Простите? – вымолвила я, стряхнув с себя его руки.

Он не извинился в ответ. Даже не кивнул. Просто-напросто сделал вид, что я пустое место, и пошёл дальше. Этот мужчина оказался всего лишь красивой картинкой, под которой пряталось гнилое нутро. Каков нахал! Я возмутилась таким поведением, обернулась чтобы высказать то, что я о нём думаю. На долю секунды наши взгляды встретились, а потом он повернул за угол и исчез из поля моего зрения.

Я не сразу поняла, что продолжила стоять и пялиться ему вслед. Меня поглотило странное оцепенение, такое же как я испытывала при виде объекта своих симпатий. Вспомнив мужчину, к которому я шла, собираясь завязать разговор, но так и не дошла, я резко погрузилась. Настроение портилось в геометрической прогрессии.

Снова вспомнила о столкновении. Вот же наглый козёл! Мог бы и сказать что-то в ответ. Я же извинилась! Мы оба были виноваты в столкновении, а он... Самолюбивый павлин, невоспитанный мерзавец! Наверняка очередной самодовольный безнравственный сноб, зазнавшийся из-за своих богатеньких родителей. Терпеть таких не могла.

Момент был упущен: когда я выдвинулась к кардиозоне, где видела зеленоглазого красавца, мужчины там не оказалось. Чёрт его дери! А во всём виноват другой.

Решив не тратить время зря, я размялась на степпере, прошла в раздевалку чтобы умыться и придирчиво оглядела своё отражение в зеркале: лицо покраснелось, но это пройдёт, волосы собраны в высокий хвост и слегка растрепались, новый спортивный топ кофейного цвета идеально подчёркивал грудь, как и облегающие шортики попку.

Сполоснула щёки прохладной водой, вытерлась полотенцем, и решила, что нужно закончить начатое – найти того зеленоглазого красавчика. Сейчас или никогда! Я подойду, завяжу ничего незначащий разговор, а дальше будет видно. Может быть, он сам пригласит меня на чашечку кофе?

Я отыскала мужчину в зоне силовых тренировок, он как раз стоял возле одного из тренажёров и отдыхал. Я улыбнулась, и даже стащила резнику с волос позволив им рассыпаться по плечам. Шаг, ещё шаг, и ещё, и...

К объекту моих симпатий подошёл тот самый эгоистичный нахал с отвратительным характером, с которым я столкнулась в коридоре. Ёлки-палки, только не это! Я тут же спряталась за соседним тренажёром так, чтобы они не могли увидеть меня. Послышались голоса:

– И чего ты такой хмурый, Тима? – спросил один мужчина у другого своим красивым вибрирующим баритоном, отозвавшимся мурашками по спине.

– Столкнулся с какой-то слепой идиоткой, – ответил второй.

Значит, мужчину из коридора звали Тимом, и он не просто знал того, с кем я хотела познакомиться, но и был его другом. Интересно, он Тимофей или Тимур? Скривилась: и зачем я об этом собственно думаю?

– Красивая цыпочка? Или дурнушка? – я повернулась, и увидела, как зеленоглазый красавец ухмыльнулся.

Какой же он привлекательный. Похож на элегантное произведение искусства с его светлыми немного вьющимися волосами и лучезарными зелёными глазами. Настоящее мраморное изваяние, любовно созданное талантливым скульптором. Знал он сам насколько притягателен? Естественно, знал. И успешно этим пользовался. Его друг обладал другой красотой, более мужественной, немного опасной, величавой. Как будто он был хозяином этого мира и совсем не стеснялся это показывать.

– Ничего особенного, – холодно отрезал Тим.

– Требую подробностей.

– Я же сказал, Ринат, ничего особенного, – мужчина был раздражён, а я улыбнулась. Ринат, красивое имя. – Такая же пустышка, как и все остальные тут. Не понимаю, зачем эти куклы приходят в зал. Чтобы покрутить задом в коротких шортиках? Или из-за жажды денег, желая раздвинуть поскорее ноги?

Что-о?! Да что б он провалился! Я сжала кулаки так, что длинные ногти впились в ладонь, оставляя налившиеся кровью полумесяцы на ладонях. Я больше года потела на тренажёрах, чтобы иметь возможность ходить в таких шортиках и топике! Я занималась, выбиваясь из сил, страдала на диетах и ежедневно считала калории, а меня просто приписали к невесте кому. Этот паршивец принял меня за потаскушку, которая столкнулась с ним ради определённой цели, из-за выгодного знакомства. Что он о себе возомнил? Ненавижу!

– И что в этом плохого? – осведомился Ринат.

– Если тебе нравятся такие не имеющие за душой ничего пигалицы, то ничего плохого, братец.

Я больше не захотела слушать. Это было выше моих сил. В школе меня обзывали толстой, Кирой-бегемотом, бочкой и арбузом. Теперь называли красивой, очаровательной, сексуальной. Но никогда не оскорбляли так, чтобы записать в пустышки и потаскухи!

Я в истерике наворачивала круги по раздевалке, в своём приступе агрессии. Переодевшись, громко хлопнула дверью и решила: больше не вернусь в этот зал.

Глава 4.

Кира. Три недели назад.

Неделю я избегала походов в зал, а потом решила – с чего вдруг из-за слов какого-то болвана я должна лишаться привычного образа жизни?

Да пусть только рискнёт снова попасться мне на глаза, уж я-то собью с него эту спесь!

В тот день я собиралась просто поплавать, потому что опоздала на аква-табату, а аква-пилатес начинался только через два часа. Погода испортилась, поэтому, я решила отправиться в закрытый бассейн, в котором в это время в никого не должно было быть. Поправив лямки белого слитного спортивного купальника, я вышла из раздевалки и направилась к бассейну. Вдруг послышались отдалённые тихие голоса, но я не обратила на это внимания. Прошла ещё немного, и встала как вкопанная из-за увиденной картины: Ринат прижимал тренера по аква-табате к стенке и страстно целовал. Её руки сжимали его светлые волосы, а его блуждали по телу девушки. Вот одна ладонь забралась ей под плавательный топ, и сжала большую грудь, а вторая огладила попку. Тренер томно застонала Ринату в губы. Почему-то мне стало до жути обидно из-за увиденного. А может быть я даже завидовала, желая оказаться на её месте. Очки и шапочка для плавания выпали из моих рук, и мне почудилось, что они создали неимоверно оглушительный звук, и тут же в панике спряталась за угол пытаюсь успокоить неистово бьющееся сердце.

– Я же говорила, что нас могут заметить! – воскликнула девушка, и я услышала её шаги. – А если меня уволят?

– Люда, стой! – попытался остановить её Ринат.

– Я Люба! – обиженно крикнула тренер, и её шаги ускорились.

Я испугалась, что меня заметят. Стало очень стыдно за то, что я наблюдала за ними. Меня не должны были застать «на месте преступления», поэтому я быстро влетела в ближайшую дверь, совсем не подумав куда именно я зашла. Ринат и тренер Люба прошли мимо ругаясь, а потом их шаги стихли. Я медленно выдохнула, и прикрыла глаза. Что за начало дня такое неудачное? Нужно незаметно выбраться отсю...

– Как интересно.

В ту самую секунду, даже не обернувшись я точно знала кому принадлежала эта реплика. И ведь сама была виновата, не заметив, что забежала в мужскую раздевалку. И вот, теперь этот хам Тим стоял прямо передо мной в одном полотенце на бёдрах, с оголённым после душа торсом. Не сдержавшись, восхищённым взглядом я окинула сильные плечи и руки, рельефное тело с потрясающими кубиками пресса, по которым стекали капельки воды с мокрых тёмных волос. Одна, другая, третья капелька друг за другом спускались ниже пупка, к соблазнительной дорожке тёмных волос и полотенцу. От него пахло приятной свежестью после душа. Забыв кто стоит передо мной, неосознанно закусила губу, сорвав этим действием усмешку с губ мужчины.

Перевела взгляд на его недовольное лицо и уловила странное разочарование и пренебрежение. Опять. Он смотрел высокомерно, и как будто немного брезгливо.

«Беги, Кира, беги!» – скомандовал внутренний детектор неприятностей.

– Простите... – выдавила из себя я. – Я ошиблась дверью.

Чёрт! Совсем не это я собиралась сказать ему, когда решила «сбивать спесь». Почему под его взглядом я превращалась в мямлю?

Повернулась, чтобы открыть дверь и как можно быстрее покинуть помещение, но его следующие слова заставили меня притормозить:

– Искала кого-то определённого? Или меня? – холодный тон звучал самоуверенно и нагло.

– Прошу прощения? – грубо ответила я, повернувшись к нему обратно и скрестив руки на груди.

Он сделал несколько шагов в мою сторону, и оказался близко, слишком близко. Как будто намеренно пытался вывести меня из равновесия, хотел втоптать в грязь.

– Я задал вопрос, – новая самодовольная ухмылка. – Решила выбрать меня объектом для своей охоты?

Моё сердце рухнуло вниз, спёрло дыхание, а руки сжались в кулаки. **Я поняла, что именно он имел в виду.**

– Да что ты несёшь? И что ты о себе возомнил?! Душевнобольной грубиян! – прошипела я с яростью, сверля его обжигающие пренебрежением глаза. – Психопат чокнутый! Кто дал тебе право так со мной разговаривать?!

– Что-то не нравится, малышка? Разве не ты пробралась в мужскую раздевалку с целью соблазнить парня побогаче? Но, спешу разочаровать, ты выбрала не ту цель, – его взгляд скользнул по моей фигуре. – Меня не интересуют малолетние пустышки. Поэтому не трать время зря.

Пощёчина прозвучала очень громко в пустой раздевалке.

Я перестала соображать адекватно, бешеная злоба затмила мой разум. И я ни о чём не жалела, когда вмазала по этому самодовольному ненавистному лицу, заткнув нахала. Я ударила его, потеряв инстинкт самосохранения. Ударила и толкнула в сторону, не думая о последствиях.

А потом пришло понимание: мы вдвоём на нижнем этаже зала, в раздевалке. Он выше и намного больше меня, и если захочет, то может сделать что угодно. Я попятилась назад, к двери. Мужчина был в замешательстве. Приложил свою ладонь к покрасневшей щеке и замер, разъярённо сверля меня взглядом. И уже через секунду грубо схватил за руку, ожесточённо шипя:

– Ещё раз попадёшься на моём пути и пожалеешь. Но, боюсь с твоей одержимостью мной, мы встретимся значительно раньше, чем я себе представляю.

– Я буду рада видеть тебя только в белых тапочках и заколоченным в гробу!

Его пальцы, обхватывающие моё запястье раскалины добела. И тут же хочется уйти на пару сотен шагов от него, вернуться домой, спрятаться. Нет сил слушать ядовитым сахаром пропитанный голос. Он не отрываясь смотрел в мои глаза и очень хотелось отвести взгляд, но я не позволила себе струсить. А мужчина смотрел насквозь, проникая вглубь, выворачивая душу наизнанку.

И тогда я окончательно пришла в себя. Выдернула руку из его хвата и вылетела из этой треклятой раздевалки. Глотая слёзы, побежала к женской раздевалке. Некогда любимый фитнес-зал за один день стал ненавистным, и теперь я точно решила: больше ни за что сюда не вернусь.

Неделю назад.

У нашей маленькой компании, состоящей из меня, Зои, Юлика и Славы, было всего три любимых места для совместного времяпровождения и прогулок возле моря.

Первое – новая набережная у пляжа «Ривьера». Нам нравилось посидеть там осенью, когда спадал поток туристов в Сочи, с бутылочкой вина или кофе на трибунах, любуясь на волны.

Второе – скромное кафе «У пальмы» с самыми вкусными на свете хачапури, затерявшееся в тени деревьев Приморского парка. Идеальным казалось сесть весной за столиком под большущей пальмой, когда вокруг всё цвело, макнуть корочку от хачапури-лодочки в желток, а потом спуститься вниз на пляж и покормить чаек остатками хлеба.

Третье – «Мандарин молл» в Адлере. Настоящий развлекательный комплекс под открытым небом. Тут были рестораны на любой вкус, пиццерии, кофейни, фастфуды, и кинотеатр

под открытым небом. Мы часто приезжали в Мандарин покушать, а потом спускались на пляж к Мзымте, чтобы наблюдать, как самолёты с ревущими двигателями заходили на посадку над рекой в аэропорт. А ещё здесь был наш любимый бар «Виноград». Мы иногда ходили сюда на вечеринки и выступления артистов.

Вот и в тот день, мы вчетвером отмечали в «Винограде» день рождения Юлиана, на вечеринке возле бассейна. Играла зажигательная музыка, вода в бассейне красиво подсвечивалась разнообразными цветами, а на тёмном небе сверкала Луна. Как только наши «Апероли» закончились, мы с Зойкой решили пройти от столика к бару, чтобы пошептаться о своём, и потанцевать.

– Юлик никогда не хочет со мной танцевать! – надулась подруга, накручивая рыжий локон на палец.

– Потому что он пытается выглядеть большим и серьёзным греком, – хихикнула я.

– Зато Славик только рад потанцевать с тобой.

– Не хочу давать ему повод подумать, что я оттаяла.

Мы подозвали бармена и заказали напитки. Я поправила оборки на лёгком голубом платье с объёмными рукавами, забрала свой коктейль и сделала глоток. Обернулась, рассматривая посетителей у барной стойки и чуть не поперхнулась. Твою ж...

Ненавистный мне Тим стоял с другого конца стойки, попивая золотистую жидкость из стакана со льдом и разговаривал с Ринатом. Мои разум и тело тут же буквально завопили о том, что нужно срочно вернуться к столику, чтобы этот мерзкий тип не заметил меня и не опозорил перед своим другом. Идея сбежать была правильной, вот только как объяснить это лучшей подруге?

– Зой... – я умоляюще глянула на неё. – Пошли к столику, ладно? Твой парень заждался.

– Почему ты вдруг стала такой буквой? – подозрительно сощурилась девушка. – Ты обещала потанцевать со мной. Отказы не принимаются.

Она взяла свой «Апероль» одной рукой, а второй схватила меня за запястье и потащила чуть в сторону от бара. Я шла на негнущихся ногах и каждой клеточкой тела ощущала, будто меня провожал пристальный взгляд. Не мог же он заметить и узнать меня? Конечно же нет. Это просто паранойя.

Зойка уже соблазнительно двигала бёдрами под музыку, а я не смогла сдержаться и обернулась. Всего на секунду. И именно тогда кареглазый нахал с совершенно равнодушным лицом тоже повернул голову в нашу сторону и замер, уставившись на меня. Я резко отвернулась и поправила волосы так, чтобы максимально закрыть ими лицо. Внимательная подруга тут же проследила за моим взглядом.

– О-о-о, а это что за красавчики? – хитро подмигнула мне она. – Неужели ты решилась подцепить одного из них и наконец-то лишиться своей...

– Зоя! – я покачала головой и шикнула на девушку. – Прекрати пялиться на них!

– Почему?

– Прошу, давай пойдём к столику, я тебе потом всё объясню, ладно?

Пименова нахмурилась, но согласилась, потому что моё выражение лица явно выглядело слишком серьёзным и возможно, даже напуганным. Мы пытались протиснуться через толпу, чтобы уйти с танцпола, как вдруг внезапный толчок в плечо заставил выплеснуться остатки коктейля мне на грудь. Я поражённо смотрела на кубики льда, скатывающиеся по юбке платья, на кусочек апельсина упавший на белые лодочки. И подняла голову, уткнувшись в сплошную черноту карих глаз.

– Ты самоубийца? – процедил незнакомец сквозь зубы, озлобленно сощурившись.

– Что? – я не смогла найти правильных слов для ответа.

– Какого чёрта ты преследуешь меня, маленькая Заноза? Я предупреждал не попадаться мне на глаза. Уйди с дороги.

Я разозлилась. Внутри взбунтовались досада и возмущение. Да кто он такой, чтобы приказывать мне?! Я ненавидела его. Ненавидела всем сердцем, всей своей плотью, всем существом. Терять мне было нечего, поэтому я вывалила на мужчину всё, что о нём думала:

– Это *ты* толкнул меня. Из-за *тебя* моё платье в таком состоянии, – указала пальцем на мокрую ткань. – Эгоистичный невоспитанный нахал с отвратительным характером. Безнравственный самовлюблённый сноб. Думаешь, всё в этом мире вертится вокруг тебя? Больно ты мне сдался!

– Ауч. Какая прелесть, – его губы изогнулись в ироничной усмешке. – Порочная расчётливая девка, которая пробирается в мужские раздевалки, строит из себя Мисс Невинность. Bravo!

Казалось, даже музыка затихла, и все окружающие уставились на нас, наблюдая за ссорой. Зоя уже открыла было рот, скорее всего желая разрядить обстановку, как в поле нашего зрения появился новый действующий персонаж:

– Значит, ты та самая девушка, которая побила моего лучшего друга? – торжествующе воскликнул Ринат, с интересом рассматривая меня. Я повернула голову, чтобы встретиться взглядом с великолепными зелёными глазами. – Я представлял тебя по-другому.

Совсем недавно я думала, что когда услышу своё имя от Рината, то стану самой счастливой девушкой на свете. На самом же деле я ощутила только нервозность и немного страха, потому что совсем не понимала, что происходит. В ужасе уставилась на Тима, к которому подошёл Ринат, и встал рядом. И зачем он ему рассказал? Чтобы унижить меня ещё больше? Странная дрожь и новая волна нервозности прошлись по телу, когда я заглянула в карие глаза мужчины. Он хмурился, снова выражая презрение.

– Я Ринат. Ринат Тимошенко.

Мужчина схватил мою руку, и оставил короткий поцелуй на ладони. Ощущение его немного влажных губ на собственной коже будто горело огнём. Я оцепенела. Столько раз представляла в своей голове, как заговорю с ним сама, как мы познакомимся. И мечтать не могла, что мужчина сам сделает первый шаг. Но он сделал, и теперь я чувствовала себя безмозглой тупицей, которая застыла на месте и опять не знала, что сказать.

– Пойдём. Не трать своё время. Она того не стоит, – нахал похлопал Тимошенко по плечу, произнеся эти слова так равнодушно и буднично, словно говорил о том, что пора окучивать картошку.

– И правда, пойдём, Зоя, – я схватила подругу за руку. – Иначе раздутое эго этого козла скоро придавит нас к танцполу.

Я выпалила это всё на одном дыхании и как можно скорее развернулась, второпях уходя как модно дальше от него, и к сожалению, от Рината. Обида из-за его грязных слов жгла моё сердце раскалённым железом, и я знала – *никогда и ни за что не забуду и не прощу эти обвинения.*

Глава 5.

Кира. Наши дни.

Вчера, после знакомства с парнем моей сестры, я сразу же сбежала в выделенную мне комнату. Треклятый Тимур Дёмин, настоящее проклятие для меня. И почему именно этот гадкий тип оказался возлюбленным старшей сестры? Я не понимала, как здравомыслящая, прагматичная и моментами скучная Валерия могла связаться с этим болваном.

Лера, конечно же, пришла в мою новообретённую спальню, и начала уверять, что мне нечего стесняться и с Тимом будет интересно поболтать. По её словам, он знает всё и обо всём. Она буквально восхищалась своим парнем. Я отказалась, сославшись на то, что не хочу им мешать. Тогда сестра попыталась соблазнить меня бефстрогановом на ужин. Я же оправдалась диетой. Валерия обиделась, решив, что я просто капризничаю. А ведь я любила, как готовила моя сестра, у неё это всегда прекрасно выходило, в отличие от меня. Мама всегда гордилась блюдами Леры, не забывая упрекнуть в неумении готовить меня.

Я снова попыталась уговорить Леру отпустить меня домой. Аргументы казались мне весомыми: сестра со своим парнем завтра улетаёт на несколько дней в командировку, так какая разница, где мне жить в одиночестве? По правде говоря, мы собрались с Зоей и ребятами в поход и это единственное хобби кроме занятий спортом, которое одобряли родители и с радостью меня отпускали. Старшая сестра, казалось, сдалась и пообещала подумать. Как только она вышла из комнаты, я заперлась на замок – вдруг этот сноб решит придушить меня ночью подушкой? Но сон не шёл, и полночи я ворочалась на неудобном диване, пытаюсь понять, как выжить в одной квартире с самым ненавистным на свете мужчиной.

И вот, проснувшись не в самом лучшем настроении, я, умывшись и приведя себя в порядок решила выйти на кухню, чтобы окончательно убедить сестру, что им вдвоём будет лучше.

– И речи быть не может, Кира, – сурово изрекает Лера, заваривая в чайничке чай.

– Но почему?! Вчера ты сказала, что подумалась!

– Я и подумала. И позвонила маме...

– Ах, конечно! Своего мнения у тебя до сих пор нет, да, сестрица?

– Не разговаривай со мной в таком тоне! – возмущается Лера. – Вот именно из-за такого твоего поведения, мама против. Я и правда пыталась защищать тебя перед родителями. Говорила, что ты одумалась, перестанешь маяться ерундой. Но мама права. Утром я посмотрела твои рисунки в планшете. Неужели правда думаешь, что эти писульки прокормят тебя?

– Ты рылась в моих вещах?! – тут же злюсь я, упирая руки в бока и сверля сестру яростным взглядом. – Как ты могла?

– Я хотела понять, Кир. Понять ради чего ты отказываешься получать высшее образование. И я не могу спокойно смотреть, как моя младшая сестра губит своё будущее из-за глупой мечты!

– А знаешь что? Ты всё такая же! – кричу я. – Ни капли не изменилась с детства, так и осталась ябедой. Как бегала докладывать обо мне родителям, так и продолжаешь! – скопившиеся на ресницах слёзы, скатываются по щекам, оставляя мокрые дорожки. – Тебе тридцать, Лера. Начни уже жить своим умом и уважать чужие интересы! Я не собираюсь становиться тобой, плясать до старости под дудку родителей, чтобы потом бояться показать им своего богатенького хахала, который явно просто развлекается с тобой, пока ему не подвернётся кто-то поинтересней! Я совершеннолетняя и могу делать что хочу, поэтому просто ставлю перед фактом: я возвращаюсь домой.

Я знаю, что переборщила. Не стоило говорить такие громкие слова. Я ни в коем случае не считаю свою сестру неинтересной и той, кем пользуются, пока нет варианта получше. Наоборот, мужчин всегда цепляет её ухоженность, ум, целеустремлённость, домовитость. Нор-

мальных мужчин конечно же, всех тех её скучных и нудных, зато надёжных трудоголиков. А вот Тимуру Дёмину я не доверяю вообще. Уверена, он мою сестру просто использует. Понять бы для чего...

А ещё я захотела побольнее задеть Валерию за то, как она поступила со мной. *Опять.* Столько лет прошло, а она как обычно не смогла встать на мою сторону. Видимо, и пытаться больше не стоит. Поддержку от собственной семьи мне никогда не получить. Из-за чего я чувствую злость до скрипа в зубах, до скрежета мыслей, до практически ненависти всего, что окружает.

Лера молча всматривается в мои глаза. Разочарованно качает головой. Я жду, что сестра ответит мне, накричит или пошлёт на три известные буквы. А она всхлипывает и отворачивается, размешивая сахар в кружке с чаем и бросает через плечо:

– Твои ключи от родительской квартиры я спрятала. Можешь делать что хочешь, когда вернутся папа и мама. Это уже будет не моей проблемой. А пока ты под моей ответственностью, то будешь жить у меня, – строго изрекает она. – Поэтому, когда мы с Тимуром вернёмся из поездки, будь добра, Кира, находиться здесь.

– Просто блеск! А знаешь, что? – злобствую я. – Пошли вы все вместе взятые!

Я хватаю ключи и вылетаю из квартиры сестры, громко хлопая входной дверью.

Это просто невыносимо. Вязкая эмоциональная усталость разливается по всему телу, даже собственные шаги по холлу на первом этаже выбешивают. Толкаю дверь, выхожу на улицу. Глубоко вбираю в себя влажный морской бриз. Небо затянуто серой дымкой, наверное, будет дождь, но мне всё равно. У меня полнейшая апатия из-за постоянного давления семьи. Я на автомате перехожу дорогу и иду в магазин. Молча покупаю своё излюбленное Абхазское «Апсны». И молча плетусь обратно, к лестнице на пляж. Пляж возле «Актёр Гэлакси» оставляет желать лучшего, не удивительно что в жилом комплексе имеется открытый бассейн для жильцов. Зато есть уединённая тропа здоровья, по которой будет здорово прогуляться, когда моя жизнь перестанет быть похожа на полнейший бардак.

Сегодня у моря немногочисленно. Сажусь прямо на тёплую гальку подальше от семейной парочки с периодически орущим младенцем из коляски и откупориваю вино. На физическом уровне ощущаю, как злость окутывает разум и тело. Сколько угодно раз я могу убедить себя в том, что мне начхать на мнение родных, что в скором времени всё наладится. Но когда день за днём не принимаются во внимание мои стремления и желания, когда постоянная критика не выходит из головы – всё это накапливается, превращаясь в огромную лавину, которая ещё чуть-чуть и сорвётся со склона моего равновесия. Все мои мечты с каждым днём начинают взаправду казаться бессмысленными настолько, что хочется плакать. Но вместо слёз, я выплёскиваю из себя пламенную злость, швыряя камни в воду.

Поднимается ветер, раскачивая волны всё сильнее. Вода сейчас кажется тёмной, почти чёрной. Волны пенятся, бьются о бетонную буну с ужасающей силой. Небо затягивает всё сильнее. Отдыхающие собирают полотенца с лежаков, впопыхах покидая пляж. А я наоборот, притягиваю колени к груди, обнимая их руками. Ох, надо было захватить с собой кардиган или толстовку. В одних джинсовых шортах и персиковой маечке на голую грудь как-то прохладно. Но я слишком торопилась сбежать.

Я успеваю выпить половину бутылки вина, перед тем как гремит дальний раскат грома и на тёплую гальку приземляются первые мелкие капли дождя. И перед тем, как неожиданный гость садится на пляже рядом со мной. Тот, кого я точно не ожидаю и тем более не хочу видеть.

Тимур Дёмин, чёрт его дери.

Его волосы слегка растрёпаны, а одежда спортивная. Лера говорила вчера, что её парень любит пробежки по выходным.

Я гляжу на самодовольное выражение лица мужчины, не зная, что ему нужно и с какой целью тот нашёл меня. Он начинает разговор первым:

– Я здесь, чтобы поговорить.

Глава 6.

Кира.

– Проваливай отсюда, козёл, – резко шиплю я и пытаюсь встать.

Но мужчина оказывается сильнее, и схватив меня за предплечье, усаживает обратно.

– В чём проблема, малышка, не рада меня видеть? – грубоватым, но от этого не менее притягательным голосом отвечает он. Я решаю игнорировать нахала, но он не сдаётся: – Всего лишь козёл и только? – хмыкает Тим. – А где же «эгоистичный невоспитанный нахал с отвратительным характером» и «безнравственный самовлюблённый сноб»?

– Сказал он «порочной расчётливой девке» и «малолетней пустышке», – парирую я, выгибая бровь. – Говори зачем пришёл, или убирайся.

– Пляж общий. Могу сидеть тут столько, сколько сочту нужным.

– Так посиди где-нибудь на другом конце пляжа. А ещё лучше, сходи поплавай. Даст Бог, одна из штормовых волн унесёт тебя в открытое море и мне больше никогда не придётся лицезреть тебя с твоим эго.

Тимур снова сверлит меня взглядом, сосредоточенно о чём-то думая. И я не могу разгадать что читается в его тёмно-карих глазах.

– Твоя сестра волнуется и места себе не находит, – выдаёт он. – Тебе стоит извиниться перед Лерой.

– Так это она подслала тебя?!

– Нет. Но я пришёл из-за неё.

– Ха! А ты у нас Мистер Благодородство? Передо мной можешь не притворяться. Не знаю для каких целей тебе моя сестра, но уж я-то выведу тебя на чистую воду.

Ненависть буквально разъедает моё сердце и внутренности, затмевая все остальные чувства. Каждую клеточку тела колотит от вида этого наглого сноба. Придушить бы его, или утопить. Только руки марасть жалко. Подношу бутылку к губам и делаю жадный глоток. А тем часом, мужчина резко выхватывает из моих рук вино, забирая бутылку себе.

– Совсем из ума выжил? – язвлю я. – Немедленно верни обратно!

– А ты не слишком мала, чтобы распивать алкоголь при свете дня? – насмешливо протягивает мужчина и сам прикладывается к вину, отпивая немного.

– Фу! Теперь можешь оставить себе, потому что я не хочу заразиться каким-нибудь герпесом, – брезгливо скривляюсь я.

А мужчина вдруг слегка запрокидывает голову и смеётся. И этот его смех – самое прекрасное явление, которое я когда-либо лицезрела в своей жизни. Я очарованная его улыбкой не могу отвести от Тимура взгляда. Сердце ускоренно бьётся в груди, как заключённый в неволю зверь. Глупо не признать, что он красивый. Кому не понравится парень с потрясающе рельефным телом, очаровательно взлохмаченными волосами, крошечным, почти незаметным если не приглядываться, шрамиком на верхней губе, небрежной щетиной и тёмными карими глазами? Как истинный художник, я всегда подмечаю даже самые маленькие штрихи во внешности каждого человека. Но красота внешняя всегда проигрывает красоте внутренней, а у этого мужчины нутро гнилое. Отворачиваюсь, чтобы парень моей сестры не заметил такое пристальное внимание.

Небо над нашими головами стремительно приобретает оттенок черничного мороженого. Раскаты грома, которые ещё десять минут назад начались с глухого рокота, сейчас грохотали так, как будто готовы снести всё вокруг.

– Семь, восемь, девять... – задумчиво считает Тим. – Гроза в трёх километрах. Нам лучше вернуться домой.

– Боишься промокнуть? – поворачиваю голову к Дёмину я, издевательски подначивая.

Против воли взгляд опускается на его губы. Парень сестры склоняет голову вбок, уставившись на меня. Пару секунд я наслаждаюсь глубиной его глаз, кажущихся сейчас более пронзительными и красивыми, чем космос. Проклятое вино!

– А ты нет? – в тон мне отвечает мужчина, нахально приподнимая бровь.

– Я люблю дождь, – зачем-то говорю, продолжая этот странный, впервые похожий на нормальный между нами разговор.

– А я не люблю болеть. Из-за ливня, который сейчас начнётся, поднимется не только уровень в реках, но и волны затопят этот узенький пляж. Оставайся, если хочешь, а я пойду.

Он встаёт и подаёт мне руку. Ого, что-то новенькое!

Вкладываю свою ладошку в его, подмечая то, какой маленькой моя ладонь кажется в его огромной. И тут же мысленно ругаю себя: Тимур Дёмин всё ещё тот же мерзкий тип, что и раньше. Ничего не изменилось. Поднимаюсь на ноги и вырываю свою руку из его. И именно в этот момент на нас обрушивается плотная пелена из дождя. Как будто мне в наказание, что посмела на миг подумать о парне своей сестры по-другому.

И мы бежим к лестнице. Ступенька, вторая, третья. Ресницы слипаются от влаги, из-за дождя толком ничего не видно и это заставляет бессильно злиться, когда приходится откидывать мокрые прилипшие пряди волос с лица. Ещё ступенька и ещё одна. Вода смазывает очертания лестницы, а мои кроссовки хлюпают на каждом шагу. На предпоследней ступеньке я спотыкаюсь, и не выставив я руки вперёд, то точно разбила бы нос поцеловавшись с асфальтом.

– Ты правда слепая? Или просто неуклюжая? – спрашивает раздражённым голосом мужчина и сильные руки поднимают меня с земли.

– Мог бы не возвращаться, я не нуждаюсь в спасении! – кричу ему в спину я, пока мы бежим к подъезду.

Тим открывает дверь, и вот, мы наконец-то в сухом помещении. Пытаемся отдышаться, кидая друг в друга убийственные взгляды. Парень сестры определённо терпеть меня не может и это взаимно. Он нажимает на кнопку вызова лифта и тот почти сразу спускается вниз, негромко звякнув. Я жду пока откроются двери, и показательно задев Тимура плечом, гордо подняв подбородок, вхожу в кабину. Дёмин следует за мной и двери за его спиной моментально закрываются. Полностью мокрый мужчина, с одежды которого течёт вода, прислоняется к стене кабины и задумчиво трёт переносицу размышляя о своём. Я жму на кнопку шестнадцатого этажа.

На дисплее высвечивается третий, четвёртый, пятый этаж, после чего перебойно мигает свет, дёргается кабина лифта, останавливаясь и протяжно скрипя, а свет окончательно потухает.

– Нет-нет-нет! Только не это! – громко вскрикиваю я, обуреваемая паникой.

И вцепляюсь пальцами в мокрую футболку мужчины, которая впитала в себя аромат великолепных духов, едва ли, не запрыгивая на него. Сейчас мне всё равно кто рядом, главное, чтобы был хоть кто-то, потому что я панически боюсь застрявших лифтов, после того, как в четыре года застряла в лифте одна. Тело Тима напрягается, как натянутая струна, я поднимаю голову пытаясь в темноте разглядеть его глаза, которые обеспокоенно изучают моё лицо. Мужчина неожиданно притягивает меня к себе, внезапно нежно поглаживая по спине и волосам. Действия Тимура сбивают меня с толку, вызывая по телу мурашки и непонятную дрожь.

Я практически повисаю в его руках, успокаиваясь. И тут же беру себя в руки, проклиная за неправильную реакцию на мужчину, который спит с моей старшей сестрой.

И всё меняется. Дёмин отпускает меня так же резко, как и обнял. Делает шаг в сторону, как будто ничего не произошло, и жмёт на кнопку вызова диспетчера, которая почему-то никак не желает работать. Твою за ногу!

– Приехали, – обречённо выдаёт Тим, нервно вздыхая.

– Круто, из тысяч людей я осталась в замкнутом пространстве с самым невыносимым на свете мужчиной, – не без сарказма отзываюсь я.

– Смотрю, ты пришла в себя, Кира? – ухмыляется он, доставая свой телефон и включая фонарь.

Секунда молчания, потому что он впервые называет меня по имени, и слегка приоткрывшиеся губы в изумлении из-за того, что он вообще удосужился запомнить его. Ещё минуту парень моей сестры пытается поймать сеть и набрать чей-то номер, но видимо безуспешно. А затем снова возвращает всё внимание ко мне:

– Или специально симитировала страх, чтобы попытаться соблазнить меня? – непринуждённо интересуется Тим, заинтересованно рассматривая меня. – Не теряешь надежду, м?

– Божечки, и я ведь наивно на целых три секунды решила, что ты нормальный! – шиплю я в ответ, сжимая кулаки от гнева. – Ты чёртов сноб, который возомнил себя хозяином этого мира. Конечно, все девушки только и мечтают о том, чтобы преследовать тебя в раздевалках и вешаться на шею в застрявшем лифте, чтобы завладеть вниманием богатенького козла и переспать с ним за деньги. Только ты переоцениваешь себя, *зятёк*, – не без иронии чеканю я, сложив руки под грудью, и победно улыбаясь.

– В таком случае, зачем ты прокралась в мужскую раздевалку, где я мылся?

– Я ошиблась дверью, болван! И если бы кое-кто умел слушать и спустился с небес высокомерия на Землю, то услышал бы это и в первый раз.

– Ошиблась дверью? Думаешь, я в это поверю?

Мне кажется, что его голос звучит немного разочарованно. Потому что теория наглого типа обо мне разваливается на части. Дёмин стирает со лба капли дождя и снова изучающе всматривается в моё лицо, как будто ожидает продолжения. Я продолжаю молчать, чтобы победить его.

– И? Это всё?

– А ты хочешь услышать что-то ещё? – закатываю глаза я. Не собираясь выслушивать его очередные оскорбления, и пользуясь моментом, пока он не успел ничего ответить, гневно добавляю:

– Усмири уже своё эго. Я не охотилась на тебя и не пыталась заполучить в любовники. Знаешь... – я подступаю к нему очень близко, поднимаюсь на цыпочки и провожу пальцами по мужской груди, закусив губу. – Будь я охотницей за деньгами, выбрала бы себе кого получше. В зале есть парни гораздо симпатичнее тебя, и уверена, что умнее. И что Лера в тебе нашла?

Ликуя в душе, я наблюдаю, как бледнеет его лицо после моих слов. Как глаза становятся почти чёрными, а руки сжимаются в кулаки. Тимур злится, и злится сильно. Аура власти и опасности окутывают меня. Парень сестры слишком сильно влияет на мой разум. И я опять замираю, опуская взгляд на его губы.

– Значит, недостаточно хорош для тебя? Или недостаточно богат?

– Недостаточно привлекателен и... – размышляю чтобы ещё такого сказать, попутно пытаюсь успокоиться. Потому что слишком сильно дрожат ноги и почему-то не менее сильно колотится сердце. – Староват.

– Уверяешь, что не хочешь меня, но ведёшь себя совершенно иначе, Кира, – наклоняясь ко мне, шепчет Тим, обдавая горячим дыханием. Его губы совсем близко от моих губ. Чувствую себя мышкой, загнанной в угол.

– Не носи чушь! Я тебя ненавижу!

– О, – шепчет он с едва заметным кивком, – Это очевидно. И это не мешает тебе хотеть меня.

– Только в твоих мечтах, извращенец.

– Правда? – шипит он мне в губы, толкая к стене и хватая за руки, заведя их мне за голову. Нависает как коршун над жертвой. – Доказать, что ты врешь? – произносит решительно, с дьявольской ухмылкой и голодным блеском в глазах.

Я закатываю глаза на сарказм в его голосе, но так и не успеваю огрызнуться в ответ. Потому что, не дожидаясь ответа, парень сестры приподнимает моё лицо за подбородок, яростно целуя. А я отчего-то совсем не возражаю, теряясь в ощущениях. Влажно и горячо мужчина играет своим языком с моим, и это похоже на безумное наваждение. Прижимаюсь к нему, и как только мужчина отпускает мои запястья, обнимаю за шею и зарываюсь пальцами в мокрые тёмные волосы.

Дёмин приподнимает меня за ягодицы и снова вдавликает в холодную стену кабины, вынуждая обвить его бёдра ногами и ощутить, как нарастает неудержимое желание.

Желание – оттолкнуть его, чтобы больше никогда не касаться этого человека.

Желание – прижаться к нему каждым сантиметром тела, чтобы больше не отпустить.

Наш поцелуй становится вдруг жадным. Безудержным. Несдержанным. Грязным. Он так настойчив, тянет меня за волосы, а я одержима его запахом, телом, всем им. Чувствую холодные пальцы, когда Тимур пробирается под майку, скользя по животику. Продвигается ниже пупка, оглаживает возле края шортиков и... Включается свет, а лифт дёрнувшись начинает подниматься вверх. Мужчина резко ставит меня на ноги, жестоко ухмыляясь.

– Запомни этот урок. Потому что такое никогда больше не повторится, *Кирюша*, – небрежно говорит Тим, и моё имя из его уст звучит как грязное ругательство.

Я отступаю от Дёмина как можно дальше. Он реально больной, причём на всю свою голову! Просто поигрался издеваясь, а я дурочка разомлела. Полнейший крах. Наверное, это была форма изощёренного унижения для меня. Я крепче стискиваю зубы и гляжу на парня сестры исподлобья:

– Ты прав, *зятёк*. Но запомни и ты: ещё раз приблизишься ко мне, пожалеешь. А то вдруг я обижусь, и проболтаюсь Лере о том, как её парень пытался совратить её младшую сестрёнку.

Двери лифта открываются на шестнадцатом этаже. Скрипнув от злости зубами, Тимур вылетает из кабины и направляется к квартире, нажимая на звонок. Вот ведь судьба распорядилась жестоко: мне с ним ещё жить.

Валерия впускает нас в квартиру, тут же хлопоча вокруг своего козла, и обещая сию минуту приготовить ему горячую ванную. Конечно, вдруг бедняжка заболит, что б его. Я же разбита на части. Стыдливо опускаю глаза, когда Лера пытается начать разговор:

– Кир... Ты выглядишь так, что мне страшно оставлять тебя одну. Может, поговорим?

«Выглядишь». Как? Жалко? Несчастно? Никчёмно?

Даже Васька, обычно не упускающий случая пошипеть и показать коготки мне при встрече, смотрит как будто с презрением и не предпринимает попыток напасть.

Я не отвечаю. Потому что от стыда даже не могу смотреть Лере в глаза. Скидываю мокрые кроссовки и плетусь в выделенную мне комнату. Не хочется помощи, не хочется жалости и не хочется с кем-либо сейчас говорить. Сейчас мне нужен только планшет и сухая одежда. И никаких мыслей.

Глава 7.

Тим.

Холодное равновесие – это смысл всей моей жизни. Собранность, спокойствие – то, на что я всегда ориентируюсь в жизни и работе.

Не следуй я собственным правилам, никогда бы не добился успехов в работе в свои двадцать семь. Учитывая, что фирма в которой работаю я, принадлежит моему отцу. А тот, относится к своим сотрудникам с высочайшей строгостью и никогда не протаскивает по карьерной лестнице своих протеже, даже если это его друг или сын.

Поэтому и женщин всегда выбираю таких же: успешных, спокойных, собранных, нацеленных на карьеру и результат. А ещё предсказуемых. Таких, как Лера Ольховская. Женщина с прекрасным образованием, острым умом, безупречной внешностью, добившаяся своим трудолюбием должности руководителя проектной группы в нашей компании.

Мы познакомились полгода назад, когда Валерия перешла в нашу фирму от конкурента. И быстро нашли общий язык. Мы ничего не планировали, никогда не разговаривали о будущем. Я не искал любви, она как мне думалось тоже. Нам было удобно вместе, и когда я наконец-то смог съехать от родителей пару месяцев назад – да-да, моя мать настоящая наседка, которая ни в какую не желала отпускать меня из-под своего крыла и умудряется звонить по пять раз на дню, – я предложил Лере жить вместе. Потому что её не устраивала предыдущая квартирка на Есауленко, которую она снимала.

И вот, сейчас мы едем на такси в Сочинский аэропорт, чтобы там встретиться ещё с несколькими сотрудниками и вылететь в Москву, на строительную конференцию.

– Мы должны зайти по отдельности, да, дорогой? – настороженно тараторит Лера. – С нами летит твой отец, а в регламенте компании...

«В регламенте компании сказано, что нельзя заводить отношения между сотрудниками», – знаю, что она скажет именно это. Мы скрываем отношения от сотрудников и моей семьи, и это иногда заводит. Нечто запретное.

– Отец прилетит в Москву завтра.

– И всё равно нужно быть осторожными.

Лера тяжело вздыхает, поправляя волосы. Она нервная уже третий день. А всё из-за этой мелкой, её сестры. Эта девчонка и меня выбила из колеи. Дурная! Ремня бы ей, хорошего такого ремня.

Когда Валерия сообщила, что с нами поживёт её младшая, я ровным счётом ничего не знал о Кире Ольховской. Лера не особо распространялась о своей семье, а я лишний раз не спрашивал. Знал только с её слов, что у них прекрасные чуткие родители, а младшая наказание на их голову. И видел единственную семейную фотографию с улыбающейся парой старших, красивой Валерией которой было лет двадцать пять, и маленькой толстой девочкой с самым недовольным лицом на свете. Перед приездом Киры, Лера попросила меня отнестись с пониманием к сумасбродному характеру девочки. И я согласился, на свою голову.

Знать бы заранее, что сестра моей девушки там самая Заноза, из спортзала. Кира Ольховская стала самой странной и непонятной девушкой, которую я когда-либо встречал. Самой неадекватной, выводящей из себя даже поистине спокойного человека. Несдержанной, невыносимой. Озлобленной, невоспитанной. И какой-то слишком взрослой и привлекательной внешне, для её восемнадцати лет. Она оказалась слишком... девушкой. Не пухлой девочкой-подростком, которую я ожидал.

Она привнесла в мою жизнь слишком много хаоса. А хаос – это паршиво. Это потеря концентрации и равновесия.

И за какие грехи мне всё это?

Первые наши встречи врезались в память и заняли там прочное место. Сколько таких полуголых силиконовых куриц приходило в наш элитный зал, чтобы познакомиться, на пальцах не счесть. Ринат был только за, а меня тошнило от них. Я мог получить любую, но никогда не хотел пустышку, интересующуюся деньгами или внешностью. Сколько раз такие куклы «случайно» сталкивались со мной или подкарауливали около тренажёров. Я многих повидал за свою жизнь: легкомысленных пустышек, главная цель которых – заполучить мужика побогаче и устроить свою жизнь.

Но девушка из спортзала выделялась из всех них. Она показалась мне настоящей профессиональной охотницей. Действовала хитрее остальных: столкнулась в коридоре, невинно похлопав своими длинными ресницами, которые обрамляли большущие карие глаза. Напялила на идеальную фигурку сексуальный топ и шортики покороче. Грудь у неё была что надо: большая, пышная и на удивление натуральная. И попка великолепная: округлая и упругая. Девчонка даже не попыталась флиртовать, как остальные. Видимо, решила зацепить показательным равнодушием. А потом ворвалась как вихрь в раздевалку, в этом облегающем каждый миллиметр кожи купальнике. Пустила в ход тяжёлую артиллерию и решила сразу предложить мне себя?

Тогда я даже ощутил укол разочарования – слишком она хорошенькая, чтобы продавать своё тело. Но сразу же пришёл в себя, и указал малолетке её место.

Она ударила меня. С гневом и негодованием. Мстительная стерва. Смотрела с такой ненавистью, как будто на самом деле обиделась на правду. Наговорила всякого, оскорбляя. И это показалось странным – разве так смотрят и общаются с мужчиной, которого пытаются охмурить?

Но слишком много было чести, помнить о ней и размышлять. Поэтому я выбросил девушку из головы. А потом мы столкнулись снова, на вечеринке в баре, на которую отказалась идти Лера, считая, что это развлечения для «малолеток». А мне пришлось, потому что я уже пообещал лучшему другу. Я увидел её сразу, узнал. А она так глупо пыталась от меня спрятаться, раззадоривая. И я повёл себя так, как не вёл ещё никогда в жизни. Толкнул девчонку специально, как какой-то невменяемый маньяк с проблемами с головой. Уверен, она и думать обо мне забыла и сейчас охотится на другого мужчину. Но всё равно сделал то, что сделал. Двинутая девка вылила на меня ещё кучу оскорблений, которые я не оставил без ответа. Как же она выбесила меня!

Я часто ощущал подобное с рабочими конкурентами – желание обругать, унижить, втоптать в грязь. Искал их слабые места и использовал в своих интересах. Но с девушками никогда. Никто ещё не вызывал такую гамму чувств. А она, такая маленькая, кажущаяся нежной и беззащитной, пока не открывала рот, смогла разбудить настоящий вулкан из эмоций во мне.

И когда я увидел её в нашей с Лерой кухне, такую домашнюю с длинными влажными после душа волосами, в неприметной толстовке и с зелёнкой на коленке, я еле-еле сдержался чтобы не подать виду, что знаю сестру своей девушки.

А потом почти бессонная ночь, и мысли о том, как выбираться из этой ситуации в которую я вляпался. Пожалуйся Кира Лере на меня, расскажи хоть что-то про наши столкновения и Валерия наверняка поверит своей младшей. А учитывая какая девчонка хитрая, может и приплести чего.

Я даже выдохнул спокойно, когда услышал из душа, как они ругались утром. Но когда вышел из ванной комнаты и шёл в спальню, ненароком прислушался и их разговор ввёл меня в заблуждение: Лера рылась в вещах сестры? Совсем непохоже на сдержанную и справедливую женщину, какой я её знал. Неужели и правда моя девушка так зависима от родителей? Я счёл вполне оправданным желание девчонки вернуться домой и не мешаться у нас под ногами. И как только Кира хлопнула дверью, попытался вразумить Леру, но моя девушка была непреклонна. Отгородилась от меня и засела с чаем на балконе.

Я, тем часом, отправился на пробежку и сам не понял, как оказался возле девчонки на пляже. Какого лешего меня туда понесло? Стоял и смотрел издали, как её хрупкие плечи подрагивали от ветра, ведь она сидела в одной только тонкой маечке. Но Кира не обращала на прохладу никакого внимания и завороченно смотрела на волны. Её лицо, когда, сестра моей девушки увидела меня, было поистине бесценным. Что странно, препираться с ней принесло мне колоссальное удовольствие. Затем испортившаяся погода, ливень и треклятый застрявший лифт. И я внезапно решил расставить все точки над «и» и услышать её версию развития событий в фитнесе. Не понимал зачем мне это, но всё равно спросил. А в её глазах была только ярость и бесконечно сочающаяся обида. Обидой были пропитаны и слова.

И вот, она вдруг сказала, что я недостаточно для неё хорош, чтобы выбрать меня своей «жертвой».

Пугающе-пошлое желание заставило меня желать доказать ей, как она ошибалась. Обманывала сама себя. Необходимо было наказать сумасбродную пигалицу, унижить, втоптать в грязь. Она была моим запретным плодом. Эта маленькая язвительная Заноза. И желание сорвать его стало невыносимым. Всего лишь похоть и желание, которое нуждалось в удовлетворении. Которое исчезнет, как только эта кукла раздвинет передо мной свои ножки.

И я потерял контроль.

Потому что хотел её, хотел, как проклятый, как мальчишка. Хотел нагнуть в этом лифте, натянуть длинные волосы на кулак и слышать упоительные стоны, имея. Видеть, как она прогибается подо мной. Сорвать эту мокрую маечку, которая так дразняще обтягивала горошинки сосков. Заткнуть поток оскорблений из её ротика, потому что эти пухлые губы пригодятся в совсем других целях. Более полезных, чем глупая болтовня. На уровне моей ширины.

Я знал: единственный способ справиться с тем, что не даёт покоя, – понять и устранить причину. Кира Ольховская разбудила во мне зверя, который готов искушать её сильно, больно, до крови...

– Ти-им? – зовёт меня Лера, обрывая воспоминание. – Ты такой хмурый. Волнуешься насчёт конференции?

– Нет. Голова разболелась, вот и всё.

Я потёр переносицу – голова взаправду раскалывается. Вот до чего доводят мысли об этой дурной девке! Валерия тут же прикладывает ладонь к моему лбу, которая кажется жутко ледяной.

– Да у тебя же температура, милый! – обеспокоенно восклицает моя девушка. – Так и знала, что ты заболеешь после вчерашнего дождя и мокрой обуви. Тимур, тебе не стоит лететь.

– С ума сошла, Лера? Конференция важна, – злюсь я. – Тем более, там будет Куликов. Температура не смертельна.

– Ты беспокоишься из-за Куликова, потому что он наш конкурент, или потому что он мой бывший? – нежно улыбается Валерия, оглаживая мой подбородок.

– Хочешь услышать, что я ревную? – усмехаюсь, и тут же морщусь из-за головной боли.

А Ольховская смотрит так, как будто и правда ожидает услышать честный ответ. Вот только у меня его нет. Я на дух не переношу Геннадия Куликова, но не из-за ревности. Наша вражда началась гораздо раньше знакомства с Лерой. И это, наверное, странно – не чувствовать ревности к бывшему своей нынешней.

Такси тормозит у аэропорта. Валерия резко поворачивается ко мне и строго чеканит:

– Поезжай домой. Конференция состоится и без тебя, Тим. А ты мне нужен здоровым.

– Я же сказал: нет, – резко отвечаю я.

– Послушай, дорогой. Моей сестры дома не будет несколько дней. Она ушла в поход с друзьями, а тебе нужно отлежаться. Я постараюсь прилететь раньше, и придумаю ещё много способов, как вылечить тебя, – томно подмигивает она. – Или я попрошу секретаршу твоего отца написать твоей маме о простуде, и уж тогда сам знаешь, что будет.

– Коварная женщина. Пусть будет по-твоему, – сдаюсь я.

За окном начинает капать дождь. Целую Леру в щёку, прошу написать мне, как только она сядет в самолёт и называю таксисту обратный адрес до дома моих родителей. Лучше самому явиться к маме, нежели она узнает о простуде и решит нагрянуть ко мне.

Глава 8.

Кира.

Этот понедельник выдался не таким, как я планировала. Когда я проснулась, сестра со своим хахалем уже уехали в аэропорт, а я начала собираться в поход. Только мой рюкзачок был готов, мне написала Зойка, сообщив, что всё отменяется из-за погоды. На Поляне уже начинался дождь. Такая новость меня не удивила – в конце июня и в июле часто идут ливни. Но я расстроилась.

Ночевать в их квартире в одиночестве, где всё было таким чужим начиная от бутылочек с гелями для душа, заканчивая кухонной утварью не хотелось. Мне бы вернуться к себе домой, в свою комнату. Поэтому я потратила всё утро, пытаюсь найти спрятанные сестрой ключи от дома. И, конечно, не нашла, потому что, обыскав всю квартиру, всё-таки не рискнула рыться в спальне сестры и её парня.

Пока дождь не добрался до берега моря, я сходила в магазин и купила редиса, огурцов и помидоров. В холодильнике были продукты, но увы, готовить я не умела и переводить их не хотелось. Вернулась в квартиру как раз в тот момент, когда начал накрапывать дождик.

И вот, время уже перевалило за четыре часа дня, а я успела только поесть салат и сесть рисовать. Нужно закончить заказ к началу следующей недели, а вдохновения нет. Создаю новый холст, и рука сама собой принимается выводить очертания человеческого лица. Перед глазами тут же встают зелёные глаза и светлые волосы Рината, его обаятельная улыбка. Пока только набросок без цвета, но уже отчётливо видны до сих пор милые сердцу черты. Я так сосредоточенно рисую, что не замечаю ничего вокруг, и испуганно вздрагиваю, когда громко звонит телефон.

– Привет, Зой, – отвечаю на вызов.

– Какие планы на вечер? – загадочно спрашивает подруга.

– Буду рисовать. А что?

– Ну-у... Ты знаешь, что ты самая классная подружка на свете?

– Тебе что-то нужно от меня, так?

– Я тут подумала... Квартира твоей сестры свободна. А тебе там скучно одной. Может, мы приедем к тебе с ночёвкой?

– Если «мы» – это ты, бутылочка вина и те вкусные хинкали, которые лепят в кафешке возле твоего дома, то я жду тебя сию секунду, – смеюсь я.

– А если это я, Юлик и Слава? – заискивает Пименова.

– Нет, Зой. Если Лера узнает, что в её отсутствие я сразу же позвала в дом парней, то нажалуется родителям.

– Мы сделаем так, чтобы она не узнала. Ну, Кир. Ну, пожалуйста!

– Даже не проси. А сама приезжай, устроим девичник.

– Ладно, бука. Буду через пару часов.

Смеясь, я скидываю звонок. День начинает налаживаться. Рисую ещё около часа, а потом пишу подруге смс-ку с точным адресом и добавляю, что дверь оставляю открытой. А сама достаю из чемодана небольшую колонку и иду в ванную комнату. С первого дня в гостях у сестры я хотела полежать в угловой ванне-джакузи, которая была установлена в их квартире. Но пока дома находился её сноб, сделать это не представлялось возможным. Зато сейчас спокойно можно расслабиться.

Я мою ванну средством с хлоркой, на всякий случай – всё-таки неизвестно какую заразу мог оставить тут этот козёл. Набираю воду и кидаю дынную бомбочку в ванну, попутно подключаясь к колонке и загружая любимый плейлист. И наконец-то окунаюсь в приятно пахнущую воду, включая гидромассаж. Чёрт его дерь, да ради такой ванны я готова работать сутки

напролёт! В родительской квартире ванна малюсенькая, да и не полежишь в ней особо долго. Иначе мама выест весь мозг из-за счётчиков и счетов за воду.

Вдоволь належавшись, помывшись и приведя себя в порядок, я нехотя вылезаю из ванны. Вот-вот должна прийти лучшая подруга. Протираю запотевшее зеркало и расчёсываю пальцами мокрые пряди. Надеваю трусики, домашние шорты и свободный топик. Делаю музыку погромче и подпеваю любимой песне:

– Ты пахнешь мятой, футболочки помяты, – пританцовывая выхожу из ванны в коридор. – Жду тебя всегда между четвёртым и пятым...

Внезапно хлопает входная дверь, я оборачиваюсь, ожидая увидеть Зойку, и тут же утыкаюсь в широкую мужскую грудь.

– Ой...

– Действительно «ой», – передразнивает меня глубокий, немного хриплый голос парня сестры.

Бог мой, ну почему он такой высокий? И так вкусно пахнет? Стоит мне поднять глаза, как я наталкиваюсь на насмешливый взгляд карих глаз. Ощущение крепких мышц под его футболкой и моей ладонью, которую я интуитивно выставила вперёд при столкновении, заставляет задержать дыхание. Какого фига он такой горячий? Горячий, в прямом смысле этого слова. От тела Тима буквально идёт жар.

– Ты что тут делаешь? – выпаливаю я удивлённо.

– Это моя квартира, если ты не забыла, – весело подначивает мужчина. – Другой вопрос, почему здесь ты, Заноза. И почему всё ещё лапаешь меня?

Глупое прозвище Тимур произносит издевательским тоном. Гадкий тип снова глумится надо мной. Делю глубокий вдох, задерживаю дыхание на несколько секунд, чтобы успокоиться. А Дёмин всё ещё пристально глядит на меня.

– Божье наказание! Больно ты мне сдался, – фыркаю я, отдёргивая от него руку и отступая назад. – Не пытайся выдать желаемое за действительное.

Замечаю, как взгляд мужчины медленно скользит по моему лицу, спускается вниз по телу, по ногам. А после снова возвращается к лицу. Поднимаю бровь, с усилием выдерживая его странный взгляд, потому что карие глаза с искрами смеха смотрят неотрывно в мои, а взгляд его становится вдруг острым, пламенным, пробирающим до мурашек. Таким же, как вчера в лифте. И из-за воспоминаний о том случае, по телу разливается горячая волна вождения.

– Правильные девочки не должны *так* смотреть на мужчину, – ехидно говорит Тим, разуваясь. – Но ты ведь не такая, м?

– Что ты несёшь?! Как «так»?! – возмущаюсь я, готовая к обороне.

– Как будто мысленно уже переспала с ним.

– Если ты в постели так же плох, как и во время поцелуев, то сочувствую своей сестре, *дорогой зятёк*, – язвлю я, закатывая глаза. – До сих пор тошнит, как вспомню.

– Правда, малышка? – глаза парня сестры угрожающе сужаются. – Видать, тебе не терпится повторить, раз так часто вспоминаешь обо мне.

– Ха! Ха-ха-ха! – смеюсь я, еле сдерживаясь, чтобы снова не влечь по наглой морде пощёчину. – Ты что, маньяк? – показательно вытираю несуществующую слезу. – Говорят, с возрастом люди становятся мудрее, но это явно не твой случай, Дёмин. А обо мне не волнуйся, претендентов и без тебя хватает.

Слащаво улыбаюсь напоследок, разворачиваюсь и захожу в выделенную мне комнату, громко хлопая дверью. Быстро набираю номер Зойки, чтобы извиниться и развернуть её назад. К моей радости, подруга всё ещё дома, потому что её задержал отец. Обещаю, что завтра обязательно всё расскажу и кладу трубку.

Прислушиваюсь – Тимур в душе. Тихонько выхожу из спальни и проскальзываю на кухню, чтобы насыпать Ваське корм. Иначе прожорливый кот всю ночь будет мяукать под моей дверью. Жиропоп появляется сразу, не преминув пошипеть на меня. И смотрит, зараза эдакая, как на прислужницу своего кошачьего святейшества. Показываю коту язык, мысленно сетуя на то, что в этой квартире меня окружают одни враги. Снова прислушиваюсь, понимая, что Дёмин в этот момент выходит из ванной комнаты. Не хочется сталкиваться с ним снова, поэтому я притаиваюсь в темноте кухни. Раздаётся звонок его телефона:

– Долетела? Как отель? – видимо звонит моя сестра. – Я в порядке. Говорю же, в порядке, – раздражённо отвечает мужчина. – Она тоже здесь, – уже тише сообщает Тим. И тут же снова выдаёт недовольно: – Я откуда знаю, Лера? Наверное, потому что дожди. Твоя сестра, сама спрашивай.

Слышатся удаляющиеся шаги и разговор становится тише. Как только закрывается дверь в их с Валерией спальню, я не могу расслышать и слова. Медленно тащусь в свою комнату и плюхаюсь на диван. Спать совсем не хочется, но я упорно продолжаю пытаться. Даже обычно усыпляющий шум дождя за окном не помогает. И только когда мне вконец надоедает бесцельно ворочаться, я решаю сходить попить водички. Выхожу в коридор и внезапно слышу приглушённый стон из соседней спальни. И чем он там занимается, извращенец?!

Любопытство пересиливает моё чувство самосохранения, и я на цыпочках прохожу к двери комнаты Леры и Тимура, приоткрывая её и заглядывая в щёлку. Парень сестры лежит на их большой кровати, в позе эмбриона и кажется таким беззащитным. Одеядло откинута, а мужчина дрожит во сне. Это совсем не моё дело, видимо ему снится кошмар. Решаю уйти как можно скорее, но меня останавливает очередное постанывание сорвавшееся с губ Дёмина.

На цыпочках подхожу к нему, и протягиваю руку прикладывая её к влажному от пота лбу мужчины. Чёрт его дери! Да у него же жар! И скорее всего Тима знобит. Наклоняюсь, аккуратно беру одеядло, желая накрыть парня сестры.

– Что тебе здесь нужно? – шепчет язвительный сонный голос.

– Надо же, а я думала, что таким, как ты простуда точно не грозит, – хмыкаю. – Ты стонал во сне, вот я и зашла посмотреть.

– Иди, откуда пришла, и не лезь, окей?

– Пошёл ты...

Но болвану не суждено узнать, какими именно словами я хотела послать его куда подальше, потому что он внезапно заходится в приступе кашля, таком сильном, что пугает меня не на шутку.

– У тебя высокая температура. Лекарства пил?

– С чего вдруг такая забота? Неужели волнуешься за меня?

– Разбежался, – поджимаю губы я. – Во-первых, ты мешаешь мне спать. Во-вторых, не хочу, чтобы ты меня заразил. Лежи, я тебе чай с лимоном заварю. И градусник принесу.

С этими словами я выхожу из спальни и иду на кухню. Включаю кипятиться чайник. Набираю номер сестры. Заспанная Лера отвечает только через восемь гудков:

– Кира? Что случилось?

– Твоему хахлю плохо. Скажи, где у вас аптечка.

– Ты... решила поухаживать за ним? – взволнованно спрашивает Валерия.

– Сдался он мне. С превеликой радостью не делала бы этого, но он разбудил меня своим жутким кашлем, – угрюмо ворчу я.

– Миленький мой, ему так плохо? Температура есть? Как же он без меня? А ведь сказал по телефону что почти здоров, – причитает Лера.

– Скорее всего, очень высокая, Лер. Дам ему градусник, померит. Не волнуйся ты так, не помрёт, – фыркаю я.

– Смотри Кир, аптечка на нижней полке справа от посудомоечной машинки. Нашла? – серьёзным тоном инструктирует сестра. Я тем временем достаю увесистую аптечку. – Дай ему жаропонижающее, только не растворимое, он такое не пьёт. Таблетку дай, поняла? И чай с мёдом и лимоном не делай, у Тима на мёд аллергия. Я тебе сейчас скину рецепт имбирного чая, приготовишь.

– Серьёзно? А обычный чай его королевское величество уже попить не может? – негодную я. – Может мне ещё ему суп сварить?

– Знаю я твой суп. Так ничему и не научилась в свои восемнадцать. Бульон закажешь завтра утром, я тебе сброшу в каком ресторане. Сделай, как я говорю, ради меня, ладно? – просит Валерия.

– Ладно-ладно. Но ты будешь мне должна, Лер.

– Хорошо. Я должна вернуться в среду, но постараюсь вылететь завтра.

Я прощаюсь и скидываю вызов. Сестра тут же присылает мне рецепт чая, и я понимаю, что ради Дёмина мне ещё придётся повозиться, что б ему пусто было. Он-то точно не стал бы за мной ухаживать, заболел я. Но я уже пообещала сестре, поэтому нахожу в холодильнике корень имбиря и лимон. Режу на кружочки и выкладываю в кастрюльку с водой. Дожидаюсь пока варево закипит и добавляю свежую мяту и сахар. Отношу градусник Тимуру, пока доготавливается чай. Процеживаю питьё через сито и...

– Твою ж... – шиплю я от боли.

Потому что обжигаю руку кипятком. Благо небольшой участок кожи, который я сразу подношу под ледяную воду. Становится легче. Так и знала, что стоит мне подойти к плите, ничем хорошим это не закончится, как обычно.

Ещё раз мысленно выругавшись, наливаю чай в кружку и захватив таблетки и сироп от кашля, иду в спальню Тимура. Мужчина в полудрёме, полностью укрыт одеялом и его потрясывает. Включаю напольную лампу, аккуратно вытаскиваю градусник, тормошу Дёмина за плечо, жду, когда он присядет на постели и всучиваю ему в руку кружку чая.

– Тридцать восемь и два. Замечательно, – оповещаю я, смотря на градусник.

– Тебе не обязательно со мной сидеть.

– Выпьешь лекарства, и я уйду.

– А если не выпью?

Мужчина делает глоток чая и провоцирующе проходит языком по своим влажным пухлым губам. Прошу, пусть не смотрит на меня так. Как будто я ему интересна. Как будто он хочет, чтобы я была здесь. Я отворачиваюсь и смотрю в сторону. Красивая штора. Такая салатная. Люблю салатный. Великолепный оттенок. А какой ковёр красивый, мягонький. И шкаф тоже ничего так.

– Если не выпьешь, то буду всю ночь доставать тебя. Я могу о-о-очень долго болтать и поверь, зятёк, тебе это не понравится, – отвечаю я, когда он наконец-то отворачивается.

Парень сестры хмыкает, но чай допивает. И покорно принимает таблетку, а затем и сироп от кашля. Морщится, и укладывается в постель. Собираюсь встать, но Тим хватает меня за запястье усаживая обратно в кровать:

– Посиди ещё немного.

– Так-с, давай снова измерим температуру. А то ты кажется начинаешь бредить.

– Пять минут, Кира. И можешь идти.

Удивлённо смотрю на Тимура. Но он серьёзен. Вздыхаю, выключаю лампочку и усаживаюсь к нему спиной. Всего пять минут. За эти пять минут ведь ничего не случится?

Глава 9.

Кира.

Я никогда не любила утро.

Наверное, поэтому я выбрала для себя такую работу – фриланс. Просто чтобы не вставать утром и не плестись на работу, как остальные. Я не любила утро, поэтому ни за что не завела бы себе собаку, с которой нужно выходить спозаранок в любую погоду. Я не любила утро, и именно поэтому Зойке стоило огромных усилий заставить меня встать рано, чтобы поплавать в море на рассвете. Я не любила утро, потому что приходилось вырываться из сладостного омута сновидений, в которых всегда всё было хорошо. Я не любила утро, потому что кровать всегда была пустой и холодной. А мой взгляд в зеркале слишком отсутствующим, особенно если проснуться до десяти утра.

Но сегодня всё не так.

Сегодня моя постель оказывается не ледяной. А будит меня не будильник и отнюдь не Васька, а чьё-то инородное сопение в ухо. Сладко зеваю, потягиваюсь и открываю глаза. Сощуриваюсь на проникающие сквозь шторы солнечные лучи, со стоном переворачиваюсь на другой бок. И меня как будто током ударяет. Мужская рука весьма наглым образом тянется ко мне, приобнимая. Опускаю взгляд на его оголившийся из-под одеяла идеальный пресс и дорожку тёмных волос, уходящую под резинку трусов. Не до конца понимая, что происходит, зажмуриваюсь и снова распахиваю глаза. Но нет, это не видение. Это, чёрт его дери, парень моей сестры. И спальня не моя, и постель тоже.

Если я скажу, что мне не понравилось находиться в его объятиях, слышать размеренное сердцебиение и ощущать лёгкое щекотание на шее из-за его тёплого дыхания, то буду лгуньей. Если скажу, что лицо Тима не прекрасно во сне, когда нет его недовольной складки между бровей, а губы не изогнуты в насмешке, то снова совру. Если скажу, что не вспоминаю о том, какие мягкие его губы, то буду самой большой на свете врушкой.

«Ты отвратительна, Кира Ольховская. Самой от себя не противно? Он парень твоей сестры!» – бранится голос совести в голове.

Ёжусь от собственных мыслей. Пытаюсь выбраться из крепких объятий Тимура, легонько убираю его руку и выскользываю из кровати. Остаётся добраться до двери, бесшумно выйти в коридор, и я спасена.

Фух! Пронесло! Ругаю себя на чём свет стоит за то, что умудрилась уснуть рядом с ним. И молюсь Богу, чтобы Тим заснул раньше и не видел этого. Иначе он не упустит возможности поиздеваться.

Умываюсь, чищу зубы и захожу в свою комнату, чтобы сменить спальную одежду на зелёный сарафан длиной до колена. Зачёсываю волосы в высокий хвост и собираюсь покинуть квартиру как можно скорее, чтобы не сталкиваться с этим болваном. В сумку кладу кошелёк, ключи и зонтик – на улице пасмурно и скорее всего скоро снова начнётся дождь. Иду в прихожую, чтобы обуться, но меня останавливает Нагломорд. Набрасывается на ногу, вцепляясь когтями и орёт что есть мочи.

– Ух! Отстань от меня, полосатый садист! – отцепляю от себя кота. – Есть небось хочешь? Попроси нормально и покормлю, – строго чеканю я.

– Мяу? – Васька садится в позу и склоняет голову, жалобно глядя своими огромными зелёными глазами.

– Можешь же когда хочешь, быть милым, – хмыкаю я. – Ладно, Гопник, пошли. Дам тебе твой любимый пакетик.

При волшебном слове «пакетик», кот активизируется, наворачивая вокруг меня круги. Чуть ли не ластится об ноги.

– Троглодит ты, Васька. За пакетик влажного корма родину продашь, – шучу я, заходя на кухню.

И застываю в проходе. Потому что Тим стоит спиной ко входу, упираясь руками в столешницу, с запрокинутой назад головой. Перед ним дымится заварочный чайник. У мужчины всё ещё голый торс, но он хотя бы додумался надеть домашние штаны. Мне вдруг так сильно хочется прикоснуться к нему. Я почти ощущаю, как мои пальцы зарываются в короткие волосы на затылке. Как я обнимаю его сзади, прижимаясь к широкой спине.

Мне нужно уйти, пока я не привлекла к себе внимание. Но я не могу выдохнуть и пошевелиться, потому что ноги как будто приросли к полу, а тело окаменело. И я продолжаю смотреть. И вижу то, что не предназначено для чужих глаз. Что-то запретное и далёкое. Знаю, что не имею права – вот так стоять и пялиться на него. Дёмин не принадлежит мне и никогда не будет. Он парень моей сестры. Даже помыслить о таком грешно, грязно и непозволительно.

Нет-нет, это всего лишь минутное помешательство из-за того, что я случайно провела ночь с ним в одной кровати. Нужно лишь вспомнить, какой Тимур на самом деле гнилой человек. Прокручиваю в голове все его оскорбления в мой адрес, все мерзкие поступки и снова вспоминаю, как сильно его ненавижу. Клятвенно обещаю себе, что больше никогда не помыслю о нём так.

– Мя-я-яу! – настойчиво вопит кот, разрушая тишину.

Сноб оборачивается и спокойно взирает на меня, сканируя взглядом. Усмехается каким-то своим мыслям. Проводит рукой по волосам и приседает на корточки протягивая руку Ваське.

– Кыс-кыс! Иди сюда, котик, – миндальничает он. – Ты хороший котик, да? Дать тебе кефирчику?

Мужчина чешет животинку за ушком, и кот ему не просто позволяет, он мурчит от радости, предатель. Обиженно фыркаяю, когда парень сестры достаёт из холодильника бутылку кефира и подливает в миску Ваське. Распрямляется и снова сверлит взглядом меня.

– Куда-то уходишь? – интересуется Тим, делая шаг ко мне.

– Тебе-то что? – спрашиваю я, отодвигаясь как можно дальше от парня сестры.

– Просто подумал... Что после проведённой вместе ночи, ты не захочешь отходить от меня и на шаг, малышка.

– Да что ты несёшь?! – закипаю я от злости. А в душе готова провалиться под пол от стыда, забившись в предсмертных конвульсиях. – Ничего такого не было!

– Ну-ну. Ты просто видела сон, в котором спала с единорогом, – насмехается Дёмин. – Почему тебя это так беспокоит? Только не говори, что ты девственница, Кирюша.

Он тянет глупое прозвище, и мне бы взбеситься. Но почему-то внутри, в районе солнечного сплетения разливается тепло. Пробуждение, его сильные руки, прижимающие меня к себе, горячее тело, всё пляшет под веками, но я не позволяю себе погрузиться в воспоминания.

– Тебя это не касается, – резко отвечаю я.

– О, – хмыкает мужчина. – Теперь мне всё ясно.

– И что тебе ясно?! – теперь уже я придвигаюсь к нему вплотную и тычу указательным пальцем в грудь Тимура.

– Воздержание и всё такое. Поэтому ты такая злока, – как ни в чём не бывало улыбается он. – Умоляю, не говори, что искала в зале не только богатого парня, но ещё и того, кто поможет тебе с твоей маленькой проблемкой.

– Да ты... Ты... Замолчи! – возмущённо выпаливаю я, запинаясь.

– Иначе что? – дерзко спрашивает Дёмин, протягивая руку и проводя тыльной стороной ладони по моей щеке.

– Иначе...

Договорить мне не позволяет долгий и настойчивый звонок в дверь. Сестра! Это точно моя сестра, которая смогла прилететь раньше. Чувство необъяснимой радости и облегчения затапливают меня. Кто знает, что случится, останься мы с Тимом наедине ещё одни сутки.

Парень Леры отступает от меня, разворачивается и направляется к двери. Васька тут же сбегает и прячется в одной из комнат. Шерстяное недоразумение всегда делает так, потому что не любит чужаков. Щелчок замка и дверь открывается.

– Сыночек! – восклицает незнакомый мне женский голос.

– Мам? Ты что здесь делаешь? – удивлённо спрашивает Тимур.

– Ты же болеешь, разве я тебя оставлю? Иди, Тимочка, я потрогаю твой лобик, – воркует мать мужчины. – Солнышко моё, у тебя всё ещё температура!

Я прохожу по коридору и выглядываю из-за спины парня сестры. Взгляду предстаёт ухоженная женщина. Визуально не дала бы ей больше сорока пяти, но скорее всего она постарше. У матери Дёмина такие же, как у сына карие выразительные глаза, а волосы на несколько оттенков светлее – скорее тёмно-русые, чем тёмно-шоколадные. Фигура, немного полновата, но совсем её не портит.

– Ах! – она замечает меня. – А ты кто, дочка? – приветливо улыбается мне старшая Дёмина.

– Я Кира, – растерянно выдавливаю я.

– Мамуль, это... – начинает Тим.

А я собираюсь потихоньку улизнуть, медленно отхожу назад и пытаюсь тайно исчезнуть, как слышу то, что повергает меня в шок:

– Твоя девушка, да, сынул? – тараторит женщина, перебивая сына. – Поэтому ты так спешно переехал от нас? А мы-то с папой гадали. Почему скрывал такую красавицу?

Нет.

Нет-нет-нет!

– Нет, я не... – пытаюсь объяснить я, но меня прерывает Дёмин.

– Не стесняйся, любимая. Да, мам, Кира моя девушка и она приехала поухаживать за мной, пока я болею, – делая шаг назад, выговаривает мужчина и приобнимает меня за талию, целуя в щёку.

Зависаю в немом удивлении. Что же он творит?

Глава 10.

Кира.

– Подыграй мне, – шепчет парень сестры мне на ухо, подталкивая за спину в сторону кухни.

Его мама уже прошла туда с пакетами и начала хозяйничать.

– Зачем? Твоя девушка Лера, а не я! – шиплю я в ответ. – Я даже не знаю, как зовут твою маму.

– Марта Тарасовна. Потом я тебе всё объясню, обещаю. Так надо, Кира.

– Я не хочу врать. Тем более, ради тебя.

– А если пообещаю выполнить любую твою просьбу? Что угодно? – просит Тим.

Он выглядит таким обескураженным и одновременно милым, что я тут же забываю о своей злости на него. Я об этом ещё пожалею, но всё же попытаюсь выжать из этого соглашения максимум пользы для себя.

– Ладно, – киваю.

– О чём вы там шепчитесь, молодёжь? – мама Тимура подмигивает мне, вытаскивая из пакета упаковку апельсинов и пачку миндальных пирожных. – Кирочка, дочка, сможешь мне?

– Конечно, Марта Тарасовна, – отвечаю я, кидая на Тима недовольный взгляд и принимаясь разбирать продукты.

– Просто тётя Марта, хорошо, дорогая? А ты, сыночек, иди, ложись в кровать. Негоже тебе большому расхаживать по квартире полуголым.

– Мам, мне двадцать семь, а не семь, – хмурится мужчина. – Прекрати носиться со мной.

– Ты для меня всегда ребёнок. Будут свои детки, поймёшь, – Марта Тарасовна нежно гладит сына по волосам. – Хорошо, не хочешь ложиться, иди оденься, а мы с Кирой пока протрём малину и сделаем тебе чай.

Этот неблагодарный нахал даже не понимает, как ему повезло с мамой. Если бы моя мать так же волновалась обо мне, когда я болела... Если бы так же смотрела с любовью, так же нежно касалась, заботилась. Даже если бы эта забота была бы чрезмерной, и пусть. Это лучше равнодушия, обесценивания и постоянного недовольства.

Парень сестры уходит с кухни, и мы с тётей Мартой остаёмся наедине.

– Идём дочка. Я купила свежей малины и листья. Ты пока залей листки кипятком, а я протру ягоды, – мама Тима высыпает из лотка розовые ягодки в дуршлаг и включает воду в кране, чтобы помыть их. – Расскажи мне про себя. А то мой сын такой скрытный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.